

Ф Е Л И К С
М И Р С К И Й

Ч И С Т О
Р И Т М С К О Е
У Б И Й С Т В О

18+

Феликс Мирский

Чисто римское убийство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51651103

SelfPub; 2020

Аннотация

Всадник Марк Петроний лишь недавно вернулся в Риме после четырехлетнего изгнания, но размеренная домашняя жизнь уже начала его тяготить. Когда в саду его старого друга был обнаружен посторонний труп, Петроний взялся отыскать убийцу. Однако, начав расследовать это убийство, он невольно спровоцировал серию новых преступлений. Их жертвами стали выживший из ума старый раб, куртизанка и последняя представительница знатного римского рода. Разгадка этих преступлений таится в событиях прошлого, когда неудачный заговор против Октавиана погубил многие знатные римские семьи.

Содержание

Пролог	5
*****	8
Глава 1	15
Визит старого друга	15
*****	22
*****	25
Глава 2	35
Находка в саду	35
*****	38
*****	40
*****	44
*****	46
*****	48
Глава 3	53
Гладиатор	53
*****	58
*****	67
*****	72
Глава 4	74
Префект и ланиста	74
*****	81
*****	84
*****	88

*****	92
Глава 5	98
Прачка и повеса	98
*****	104
*****	110
Глава 6	112
Настоящий римский дворецкий	112
*****	119
*****	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Пролог

Равенна, 18 год д.н.э

Сегодня он умрет. Этот день наконец пришел. Он будет биться в конвульсиях под веселое улюлюканье толпы. Грязный песок выпит его кровь. Его тело зацепят железным крюком, уволочут с арены и выбросят в море. А сама память о нем в лучшем случае доживет до вечера, чтобы утонуть в дешевом вине под закопченными потолками убогих таверн.

Он умрет здесь, в этом нелепом городке, где больше пристало бы жить не людям, а лягушкам. В городке, где дома на деревянных сваях стоят посреди грязных каналов. Где одежда всегда остается влажной из-за вечной сырости. Где жители перемещаются между домами на лодках и где, при всем этом, вода стоит едва ли не дороже вина, потому что воду, пригодную для питья, приходится сюда возить бочками.

Сейчас, когда от его жизни уже почти ничего не осталось, он чувствовал себя удивительно безмятежно. А ведь вначале отчаяние и надежда рвали между собой его душу в клочья. Отчаянье от злого рока, что разбил вдребезги его жизнь и надежда, на чудо, бога, который спустится на землю, чтобы собрать эти осколки заново.

Но потом, внезапно, в один из вечеров, заполненных тяжелой как осеннее небо тоской, он вдруг осознал, что на самом деле мертв уже давно. Что он умер еще тогда, на берегу

Анниена¹. Умер, когда, чтобы выжить, бежал от своей жизни. Когда оставил себя позади. Когда надел чужой плащ и примерил чужое имя.

Стоило это понять и его страх ушел. Ведь мертвецы не умеют бояться. Все сразу стало простым и ясным. Не обретая краски, его теперешний мир обрел четкость. Он, настоящий, не мог осквернить себя гладиаторским ремеслом. Значит сегодня умрет тот, кем он стал. Тот, кому незачем жить. Тот, кто на самом деле никогда и не жил.

Это будет просто. Люди, превратившие его в Меланхета, позаботились о том, чтобы его новая жизнь не была слишком долгой. Его и двух других неудачников, которых местный ланиста счел непригодными к гладиаторскому ремеслу.

Потомственный раб Акамант, худой как кузнечик, с огромной бородавкой на щеке и трясущимися липкими руками, угодил в гладиаторы, не сумев побороть привычку воровать хозяйскую еду. Он часто плакал, пугался деревянного меча и безропотно переносил любые унижения, которые была способна изобрести затейливая фантазия обитателей казарм. Удивительно, но Меланхет испытывал к этому жалкому человеку некое подобие сочувствия.

Пастух Гарпал, простодушный парень с рыхлым крупным телом и добродушным лицом был приговорен к мечу за изнасилование и убийство свободной девушки. Тупой и неуклюжий он, кажется, был не в состоянии запомнить, с какой

---

¹ Река в Лации.

стороны нужно братья за меч. В казармах Гарпала избегали задирать, опасаясь непредсказуемых вспышек ярости, во время которых он забывал самого себя, а его, и без того немалая, сила возрастала многократно.

Их троицу, которую местный остряк окрестил Актеоновой сворой², не допустили до настоящих боев. Их выставили на арену как прегенариев³, что выходят, чтобы разогреть толпу. Правда, в отличие от прегенариев, их мечи не были деревянными, а их противником был огромный бритт по кличке Рыжий Волк.

В казармах говорили, что там, на островах, Рыжий Волк был вождем, неукротимым воином, который подобно героям Гомера, поражал врагов с мчащейся колесницы. Скорее всего, это было враньем. Если верить всем байкам, которые рассказывали в казармах, так вождем, принцем или сенаторским ублюдком был каждый второй из отребья, что населяло камеры.

---

² Охотник Актеон подсматривал за купающейся Артемидой. В наказание богиня превратила его в оленя и несчастного разорвали собственные псы. Меланхет, Акамонт и Гарпал – клички собак Актеона.

³ Вооруженные деревянным оружием гладиаторы, которые устраивали потешные поединки перед началом игр.

Сегодня Равенна наслаждалась небывалым зрелищем. Чтобы потешить соплеменников, самая толстая из местных жаб расщедрилась и заплатила за выступление шестнадцати пар гладиаторов. По такому случаю убогий деревянный амфитеатр, располагавшийся на одном из самых крупных участков относительно сухой земли, неподалеку от города, был переполнен. Местные бездельники, обитатели окрестных вилл, рыбаки из прибрежных деревушек и заслужившие увольнительную военные моряки из соседнего порта теснились на потемневших от вечной сырости скамейках.

Их четверку, вывели на арену после восьмой схватки. К этому времени зверь на трибунах уже насытился кровью. Ему, сытно отдувающемуся, отрыгивающему, облизывающему жирные мокрые губы, хотелось чего-нибудь нового. Чего-нибудь легкого. Разнообразия в монотонной череде убийств. Как пирующим за столом, сожравшим уже кабана, и мурену, и дюжину жирных каплунов, хочется убажить избалованное чрево сигнийскими яблоками или пиценскими грушами. Короче говоря: зверю хотелось веселья.

– Рыжий Волк, пятнадцать боев, одиннадцать побед, один раз отпущен, стоя на ногах! – объявил толстый кучерявый служитель в алой, отороченной золотым узором тунике.

Волк обвел толпу хищным взглядом, оскалил желтые,

подпиленные зубы и лениво качнул кривым фракийским мечом. Трибуны заворчали в сдержанном одобрении. Бритт не был местным фаворитом. Дикарь и варвар, он мало заботился о том, чтобы завоевать симпатии толпы.

– Волчий ужин! Собачки Актеона! – выкрикнул служитель. Толпа вознаградила неуклюжую шутку несколькими неуверенными смешками. – Первый из свирепой своры – зубастый Акамант, славный победитель свиного окорока, бесстрашный боец против виноградных улиток!

На этот раз публика отреагировала живее. Волна веселья прокатилась по трибунам. Кто-то заливисто засвистел, кто-то выкрикнул:

– Покажи зубы, песик!

– Подай голос!

Щеки служителя расплылись довольной улыбкой.

– Гроза пастушек и овец! Проливший девственную кровь – Гарпал! – провозгласил он, заслужив новую порцию одобрительных выкриков. – И белоснежный Меланхет, с кожей гладкой как китайская шерсть⁴. Черный пес, против рыжего волка. Шесть пар ушей на ужин британскому зверю! – Трибуны захохотали, засвистели, затопали ногами. Дождавшись, пока шум утихнет толстяк взмахнул жезлом. – Бой!

Акамант заскулил. Короткий легионерский меч в его руке казался не полезней детской погремушки, круглый фракийский щит бессильно свисал к земле. Перед боем им поднес-

---

⁴ Имеется в виду шелк.

ли по кружке неразбавленного вина, но выпей бедняга даже целый кувшин это вряд ли бы подняло его боевой дух.

Волк неторопливо двинулся вперед. Его противники попятились, расходясь широким полукругом. Волк остановился. Троица будущих жертв застыла в обреченном молчании. Предвкушая веселье, притихли трибуны.

Вдруг бритт оскалил зубы, коротко, утробно рыкнул и прыгнул. Акамант отшатнулся, запутался в собственных ногах и, обреченно подвывая, шлепнулся на задницу. Бритт заревел и вскинул вверх широко разведенные руки. Песок под Акамантом потемнел быстро расползающейся лужей. Толпа на трибунах зашлась в восторженном улюлюканье.

Удивительно, но туповатый Гарпал, первым вспомнил чему его учили на тренировках.

Он шагнул вперед, сделал неловкий выпад и, кажется, очень удивился, когда вместо спины варвара его меч проткнул воздух. Волк хлестнул мечом в ответ. Гарпал обиженно взвизгнул, уронил щит и отскочил в сторону. Зеленая туника на его груди покраснела.

А волк уже обрушился на новую жертву. Меланхет парировал щитом первый и второй удары, уклонился от третьего, споткнулся и отлетел назад, понимая, что четвертый он отразить не сумеет. Однако выпада не последовало. Юноша выпрямился, прикрываясь щитом, и увидел спину бритта в десятке футов от себя.

Акамант, похоже окончательно потерял голову от ужаса.

Оставив позади щит и меч, захлебываясь рыданиями, он на четвереньках пытался уползти подальше от места схватки. Бритт подскочил к нему, ткнул кончиком меча в отставленный кверху зад. Акамант заорал и попытался вскочить на ноги. Волк пнул его ногой в живот, и крик несчастного оборвался, а сам он кубарем покатился по песку.

Закончить забаву Волку не дал Гарпал. Он налетел на бритта отчаянно крича и размахивая мечом. Волк отбил удар щитом, сделал короткий выпад, и пастух завопил уже от боли, прижимая руку к порезу на левом боку.

Волк не спешил. Он гонял врагов по арене, играясь с ними, как кошка играет с мышами. Гарпал, залитый кровью, которая текла уже из полудюжины мелких ран, раз за разом бросался на врага, колотя мечом как дубиной. Но ярость — плохой помощник. Каждая его атака заканчивалась тем, что пастух откатывался назад с новой отметиной на своей шкуре.

Сам Меланхет пока не получил ни одной царапины. Он сохранил щит и исправно парировал атаки варвара. И он понимал, что в этом бою от него зависит меньше, чем ничего. Что все они будут жить лишь до тех пор, пока Волку не наскучит его забава.

Больше всего на свете Меланхету хотелось оказаться на месте Акаманта, который от ужаса, кажется, окончательно лишился рассудка. Он то впадал в ступор, пока бритт забавлялся с двумя другими жертвами, то бросался в бегство. Тогда Волк догонял его, с помощью меча загоняя к центру аре-

ны. Несчастный был весьма покрыт коркой из песка, смешанного с засохшей кровью, которая сочилась из множества порезов.

В какой-то момент, Волку наскучило развлекаться с мышью, которая даже не пытается показать зубы. Нагнав убегающего Акаманта в очередной раз, Волк подножкой сбил его с ног. Несчастный тут же вскочил, увидел перед собой окровавленный меч бритта и захлебываясь слезами упал на колени. Волк ударил его в лицо рукояткой меча и Акамант опрокинулся на спину. Бритт полоснул сверху клинком, а потом запустил руку в распоротый живот и выдернул наружу комок окровавленных кишок. Раненный завизжал, а варвар уже стремительно обернулся к двум другим противникам, которые в этот раз ухитрились атаковать врага одновременно.

Меланхет сделал выпад. Бритт играючи уклонился и занес над головой меч. Меланхет высоко вскинул щит, прикрывая голову от сокрушительного удара. Но удара не последовало. Вместо этого щит Волка врезался ему в грудь. Юноша взлетел в воздух, как собачонка, которой дали пинка.

Кажется, он потерял сознание раньше, чем его спина коснулась земли. Кажется, на то, чтобы прийти в себя ему потребовалось лишь пара минут.

Падая, он потерял щит и выронил меч. Грудь болела, как будто по ней ударили кузнечным молотом. В нескольких футах впереди, спиной к нему Волк возвышался над грудой,

которая недавно была Гарпалом. Кажется, пастуху все-таки повезло – в конце концов, ему удалось умереть сразу. Чуть в стороне, менее удачливый Акамонт, захлебываясь отчаянными рыданиями, все еще пытался собрать кишки, вываливающиеся из его распоротого живота.

Теперь Меланхет остался с Волком один на один. И значит, ему нечего надеяться на легкую смерть. Он понял, что, когда придет его время умирать, он позавидует даже корчащемуся в агонии Акаманту. Что его смерть будет грязной, долгой и мучительной. Что к концу представления от него останется визжащий, потерявший разум кусок мяса, не способный осознать даже разницу между жизнью и смертью.

И еще Меланхет вдруг понял, что он все еще жив. Юноша, которым он был утонув в Анниене, но гладиатор Меланхет жил. Это была его жизнь. Его, а не бесполезного юнца, которой имел все и умудрился все потерять. Жизнь, которая родилась из грязного, густо замаранного кровью песка. Жизнь полная позора и ужаса. Боли и разочарований. Жизнь, которую он не хотел никому отдавать.

И тогда Меланхет прыгнул. Его руки обхватили колени варвара, словно моля о пощаде. От сильного толчка Волк пошатнулся, но устоял. Он начал оборачиваться, занося меч, когда зубы Меланхета сомкнулись на участке плоти под его левым коленом. Рот юноши наполнился кровью, смешанной с потом и песком. Волк зарычал и попытался пнуть противника свободной ногой. Не удержал баланс и обрушился на

групп несчастного Гарпала, увлекаемая за собой так и не разжавшего зубы Меланхета.

В падении рука юношу наткнулась на рукоятку меча, который выронил пастух. Меланхет ткнул клинком вверх, и Бритт дернулся с такой силой, что молодой человек отлетел в сторону. Он перекатился по песку и вскочил на ноги, не выпуская меч из руки.

Бритт стоял перед ним на коленях, прижав обе руки к горлу, и между его пальцами мощными толчками выплескивалась кровь. Волк открыл рот, будто собираясь что-то сказать, его глаза закатились, и он навзничь рухнул на песок.

Трибуны потрясенно молчали. Вдруг, прямо перед застывшим Меланхетом, отворилась небольшая калитка. Ланиста, лысый здоровяк с носом, выдающимся вперед, будто корабельный таран выпрыгнул на песок. Он повернулся лицом к трибунам, вскинул вверх обе руки и крикнул:

– А песик-то оказался волкодавом!

Зрители бесновались, когда ланиста подошел к Меланхету, хлопнул его по плечу и негромко сказал:

– Тебе придется постараться, парень, чтобы его заменить.

Глава 1

Визит старого друга

Давно уже Рим не помнил такой жары как в пятнадцатый день до июльских календ в консульство Марка Валерия Месалы и Луция Корнелия Лентула.⁵ Сенаторы и всадники, плебеи и патриции, рабы и вольноотпущенники: все спешили оставить раскаленные городские улицы, спасаясь от беспощадного гнева италийского солнца. Жизнь в городе, и без того замедлявшая на лето свой бешеный ритм, замерла, дожидаясь пока спасительная вечерняя прохлада позволит вернуться к делам, которые не удалось отложить на месяц-другой.

В маленькой летней столовой, расположенной во дворе небольшого домика на северном склоне Оппия, от укутавшей город удушливым одеялом жары спасался молодой человек не более чем тридцати лет. Он был невысокого роста, скорее хрупкого, чем крепкого телосложения, с тонким, красивым лицом и изящными маленькими руками. Каштановый оттенок коротко и небрежно подстриженных волос наводил на мысли о текущей в его жилах толике галльской крови.

---

⁵ 17 июня 3 года до нашей эры.

Бледная от природы кожа была обветрена и покрыта загаром густого медного цвета. Пронзительные голубые глаза смотрели на окружающий мир с едва уловимой насмешкой. Остроконечная, неровно подстриженная бородка добавляла его облику изысканный, хоть и несколько грубоватый шарм.

Откинувшись на подлокотник кресла и пристроив ноги на низкой деревянной скамейке, всадник⁶ Марк Петроний Урбик с неодобрением разглядывал фреску на стене, изображавшую похищение Европы Зевсом. Картины, служившие сомнительным украшением трех других стен, продолжали повествование о похождениях любвеобильного бога, соблазнившего страстную Леду, пролившегося золотым дождем в узилище непорочной Данаи и ставшего причиной страданий несчастной Ио.

Фрески, дворик и сам дом с каменной бычьей головой на фронтоне, стоявший посередине извилистой улицы Пекарей, приобрел для Петрония его старший брат Гай. Поскольку сам Петроний в то время еще находился в Александрии, Гай, а вернее его жена, благородная Аррунция, взяли на себя хлопоты по улаживанию всех юридических формальностей, приведению дома в порядок, приобретению мебели и слуг.

Однако, несмотря на участие добросердечных родственников, поселившись впервые за свою жизнь в собственном жилище, Петроний скоро обнаружил, что множество мелких хозяйственных забот требуют его постоянного внима-

---

⁶ Всадники – сословие в Риме.

ния. Хозяйственные счета не желали оплачиваться сами собой. Немногочисленные домочадцы то и дело взывали к авторитету патрона в разрешении своих споров и мелочных дрязг. Ни одно, даже самое мелочное и ничтожное дело казалось не в состоянии было разрешиться без его деятельного участия.

Мысли об всех этих бесконечных хлопотах угнетали молодого всадника даже больше, чем мысли о неопределенности собственного будущего. Ведь еще недавно, ему казалось, что его жизнь имеет некое высокое предназначение и наполнена смыслом. Теперь же, вернувшись после четырехлетнего отсутствия в Рим, Петроний вдруг обнаружил, что никакого особенного смысла, за исключением этих самых повседневных забот, в его жизни не осталось.

– Ты прав господин, эти фрески никуда не годятся. Они неприличны и отличаются исключительно дурным вкусом.

Петроний повернул голову и обнаружил, что над креслом возвышается его вольноотпущенник и управляющий Иосиф. Это был иудей средних лет, весьма мрачного вида, с крупным, перебитым в давней драке носом. Буйная рыжая борода удивительным образом гармонировала с черными, будто лишенными зрачков глазами. Такая же черная спутанная шевелюра, наполовину скрывала его изломанные как у борца уши. Сбитые костяшки длинных цепких пальцев были покрыты множеством мелких шрамов.

Подобная внешность, не слишком подходящая для долж-

ности почтенного римского дворецкого, как нельзя лучше соответствовала тому сомнительному и опасному образу жизни, который Иосиф вел в родном Иерусалиме. Следствием одного из эпизодов его бурной карьеры стало знакомство иудея с Марком Петронием Урбиком и необходимость спешно покинуть родину в качестве вначале раба, а затем вольноотпущенника молодого римского всадника.

Способности Иосифа, его богатый опыт и знание им местных обычаев пришлись, как нельзя более кстати для работы, которую Петроний выполнял в Сирии и Александрии. В короткое время из случайного попутчика иудей превратился в его постоянного и доверенного напарника. Когда же Петронию пришло, наконец, время возвращаться в Рим, обстоятельства сами собою сложились так, что Иосиф отправился вместе с ним.

– Пришел чтобы поговорить о живописи?

Равнодушный тон иудея не ввел Петрония в заблуждение. Если всаднику хватило нескольких дней нынешнего тихого существования, чтобы погрузиться в бездонную пучину самой черной меланхолии, то Иосиф, кажется, был вполне доволен произошедшими в его жизни переменами. Иудей с таким энтузиазмом взялся за исполнение обязанностей дворецкого, эконома и управляющего, что Петроний уже не раз пожалел о прихотливом зигзаге судьбы, наградившей его подобным компаньоном.

Возложив на себя обязанности управляющего, Иосиф ис-

полнял их с тем же рвением, с каким преследовал фанатичных ревнителей, на извилистых переулках Офлы⁷. И, едва ли не с первого дня после возвращения, иудей, с упорством стенобитного тарана, пытался склонить патрона к заботам о переустройстве дома.

– Боюсь, для разговора о живописи у нас сейчас нет времени, господин. Гость, которого ты ожидал прибыл. Но если, если уж ты заговорил о фресках и некоторых других вещах в доме, которые требуют безотлагательной переделки, то рад сообщить, что я нашел подходящего человека. – Иудей все-таки не обманул ожиданий всадника. – Его зовут Фуфий Матвей. Он опытный подрядчик. Год назад делал ремонт у нашего соседа Ветурия Иоанна, и тот остался доволен результатами.

– Ты хочешь, чтобы наш дом выглядел как дом пекаря? – Петроний не для того держал оборону с момента своего возвращения в Рим, чтобы сдать так просто.

– Сейчас наш дом выглядит как приемная дешевого лупанария,⁸ – парировал иудей. – Что до Ветурия, то он не пекарь, а владелец трех кораблей, которые возят зерно из Египта. И мельницы на Яникуле. Не считая собственности в Этрурии и Пицене. Достойный человек, с хорошим вкусом.

Петроний вздохнул. Решил, что этого недостаточно и воздел руки к небу.

---

⁷ Район Иерусалима.

⁸ Публичный дом.

– Иосиф ты, хоть представляешь, что такое ремонт? Это сырая штукатурка, битый щебень, грязь и тучи пыли. Ты хочешь, чтобы наш дом превратился в руины? Довольно того, что весь город выглядит как строительный котлован.

– О городе пусть заботятся другие. Меня же волнует наше собственное жилище. Ибо, если не принять безотлагательных мер, боюсь придет день и дом наш рухнет, как рухнули стены Иерихонские. Ремонт, это дело, которое нужно сделать один раз и навсегда о нем забыть. И рано или поздно за него все равно придется взяться. Промедлением, господин, ты лишь откладываешь неизбежное. Подобно тому, как нерадивый пастух, в страхе перед наказанием, не спешит доложить хозяину о потерянном стаде, хоть и знает, что с каждым днем его наказание будет лишь горше.

– Надеюсь мне позволено еще немного помедлить? – поинтересовался Петроний с язвительным смирением. – Один день наши стены простоят? Мой друг Лоллий заслужил толику моего гостеприимства.

Луций Лоллий Лонгин, который дожидался хозяина дома в атриум, был посланцем из прошлой жизни, что так внезапно оборвалась четыре года назад.

– Конечно господин. Нет нужды менять планы, – покладиисто согласился вольноотпущенник и, прежде чем Петроний успел перевести дух, мстительно добавил: – Я взял на себя смелость договориться о встрече с подрядчиком на завтра. Так что, если у тебя, господин, нет возражений и иных

планов, мы могли бы приступить к этому делу, сколь тягостному, столь же и необходимому.

Некоторое время Марк Петроний молча сверлил управляющего взглядом. Как ни неприятно ему было это признавать, всадник понимал, что управляющий прав по крайней мере в одном: он не сможет вечно держать оборону. Все выигранные им до сего времени словесные баталии не более чем арьергардные бои, никак не способные изменить исхода заранее проигранной кампании. Чувствуя себя Цезарем, отдающим приказ о форсировании Рубикона, Петроний обреченно махнул рукой:

– Ладно. Пусть так и будет. Я приму твоего подрядчика завтра.

– Клянусь крылышками Меркурия, Петроний, ты переменялся. Тебя невозможно узнать! – Распахивая объятия, Лоллий шагнул навстречу, едва всадник появился в дверях атрия.

Луций Лоллий Лонгин выглядел как истинное воплощение римской мечты. Его соразмерное лицо с тонким ровным носом, твердым подбородком и высоким чистым лбом, казалось высеченным из мрамора. Широкие плечи, гордая прямая спина и плоский живот были достойны победителей Пирра и покорителей Карфагена. У всякого, кто не был лично знаком с молодым человеком, первый взгляд на него вызывал смутные ассоциации с победным ревом букцин и геометрически идеальной красотой военного лагеря.

Но это впечатление было обманчивым. Даже неискушенному наблюдателю довольно было второго взгляда, чтобы понять, что стройная фигура и рельефные мускулы являются следствием не военных, а всего лишь гимнастических упражнений. Что небрежная простота безупречной прически результат усилий многоопытного парикмахера, а благородная белизна и гладкость кожи – заслуга дорогих восточных притираний. Гостя окутывал аромат купленных на Этрусской улице благовоний, а его длинная алая туника была подпоясана золотистым шелковым поясом.

Луций Лоллий Лонгин действительно был совершенным воплощением молодого римского аристократа. Только это был аристократ нового поколения, поколения, сменившего строгую величественность римской тоги на легкомысленное удобство греческого плаща. Он не тяготел к занятиям политикой, испытывал ужас при одной мысли о том, чтобы подвергнуть себя лишениям, связанным с военными службой, и видел смысл жизни в ее восхитительной бессмысленности. И именно по этой причине Петроний был рад ему, как никому другому.

– Ты все тот же Лоллий. Жизнерадостный и беззаботный.

Лоллий отступил назад и в притворном изумлении установился на всадника.

– Молнии Юпитера! Ты возмужал, загорел и отпустил бороду, будто греческий философ.

– А ты благоухаешь как кастрат из храма Кибелы, – парировал Петроний.

Лоллий снисходительно улыбнулся в ответ.

– Во времена Цинцината ты мог бы стать законодателем мод. Клянусь кудряшками Венеры, я бы хотел последовать твоему примеру, но мне никогда не хватало смелости.

Молодой человек вздохнул и с притворным сожалением потер свой безупречно выбритый подбородок.

– Я просто устал выносить пытку, которую по недоразумению называют бритьем, – буркнул Петроний. – И довольно уже о моей внешности. Давай лучше я покажу тебе дом.

Я въехал недавно, поэтому смотри под ноги. Я не перенесу, если ты переломаешь их из-за собственной неосторожности и задержишься здесь на месяц.

Дом, в котором поселился Петроний, казалось, застыл между двумя способами существования, не зная чью сторону ему выбрать: то ли сохранить верность старой хозяйке то ли обрести новый смысл жизни с новым домовладельцем. Особенно заметно это было в двух примыкающих к атриуму комнатах, которые прежде служили спальнями. В одной из них даже сохранилась кровать, матрас с которой уже убрали, бесстыдно выставив на всеобщее обозрение раму из натянутых ремней.

Во второй комнате от кровати осталось только пятно на полу. Сундуки, корзины и ящики с книгами безошибочно указывали на то, какое предназначение было выбрано для нее новым домовладельцем.

Пышные, сияющие золотой вышивкой пурпурные портьеры и триклиний, разукрашенный изображениями фавнов и дриад, были наследием, оставшимся от прежней хозяйки. Как и маленький уютный сад, с тремя яблонями, грушей, Лукулловой вишней, старой оливой и аккуратными рядами розовых кустов.

А вот кабинет, в прежние времена находившийся в небрежении, несомненно, обрел новую жизнь со сменой владельца. Стены его украсились сотами книжных полок, а стол приобрел роскошную серебряную чернильницу и подставку для

стилосов.

К атрию примыкала двухэтажная внутренняя часть дома. Здесь располагались спальня самого Петрония, комнаты его управляющего и слуг. И, к счастью, от ее посещения Лоллий был милосердно избавлен.

Теперь он развалился в кресле напротив всадника влетней столовой, стены которой украшали довольно легкомысленные фрески. Низкий козлоногий столик, приютивший кувшин с уже разбавленным вином, велабрский сыр, пицценские маслины и хлеб, расположился между ними.

– Чем же ты был занят, что не нашел времени, для старого друга? – упрекнул Лоллий.

Направляясь в этот дом Лоллий, чувствовал не свойственные ему смущение и неуверенность. Ведь бывает, что после долгой разлуки, возобновление старой дружбы никому не приносит радости. Люди меняются, дороги их расходятся в разные стороны и встретившись спустя много лет, ощущаешь лишь неловкость, пытаясь опознать в сидящем напротив незнакомце человека, с которым прежде был неразлучен. Но, за час, что он провел в обществе Петрония, Лоллий с радостью убедился, что все его опасения были напрасны. Теперь он жалел лишь о том, что не узнал о возвращении Петрония раньше.

– Переезд. Домашние хлопоты, – Петроний пожал плечами. – Они отнимают наше время и пожирают нашу жизнь. Новый дом требует заботы.

По правде говоря, Лоллий был удивлен, узнав, что, вернувшись в Город, Петроний решил обзавестись собственным жилищем. Нет, конечно, жить с родственниками, особенно со старшими, это испытание, которое не каждый способен перенести. Они лезут в твои дела. Они всегда знают, что правильно. Они читают нотации. Они бесконечно рассказывают о прежних, золотых временах, когда для порядочного молодого человека, кажется, не было большего удовольствия чем выслушивать лекции престарелых родичей. И все же, зная Петрония много лет, Лоллий был уверен, что его друг предпочтет беззаботное пребывание в доме брата, суетной жизни домовладельца.

– Неужто за четыре года ты так переменялся, что стал находить удовольствие в домашних делах? – он не стал держать сомнения в себе. – Марк Петроний, человек, который был не способен распорядиться даже по поводу обеда!

– Эй! Что случилось с Римом? Бездельник Лоллий Лонгин попрекает меня праздностью! – возмутился в ответ Петроний. – Неужели поучения дядюшки наконец достигли цели?

– Мой дядюшка сумел бы пристыдить даже Медузу Горгону. Кто знает, может и со мной у него когда-нибудь получится? – Лоллий беззаботно улыбнулся. – Время меняет людей. Помнишь, толстяка Силана? Этот тихоня ушел в политику, и говорят, даже добился некоторых успехов.

– Во имя Доброй Богини! Даже Рим не заслужил консу-

ла Луция Лоллия Лонгина. – Петроний в притворном ужасе округлил глаза.

– И никогда его не получит, – Лоллий отсалютовал ему чашей. – А что насчет тебя?

– Меня и политики? Лоллий, во имя Юпитера и Юноны! Да ты ли это? Теперь ты будешь рассуждать о политике! Куда делся певец лени и поэт безделья, которого я знал четыре года назад?

– Раздавлен он безжалостной судьбой.

Учитывая все то, что творилось в доме Лоллия в последние дни это утверждение не было таким уж большим преувеличением.

– Осторожнее Лоллий, – предостерег всадник. – Начнешь сетовать на судьбу, не успеешь оглянуться как угодишь в философы.

– Клянусь бородой Сократа, от того, что происходит у меня дома я стану киником⁹. Надену лохмотья и буду бродить по дорогам Италии со вшами в волосах.

Лоллий наслаждался этим разговором. Никогда бы не поверил, но за четыре года, он кажется соскучился даже по язвительной насмешливости Петрония.

– Что случилось? Дядюшка Квинт увел у тебя из-под носа повара? Управляющий ворует гарум? Лягушка утонула в амфоре с пятидесятилетним фалерном?

Нет. Насчет насмешек Лоллий все-таки поторопился. Без

---

⁹ Философское течение.

них он, пожалуй, вполне мог бы обойтись. Молодой человек с упреком посмотрел на всадника. Но, чтобы пристыдить Петрония нужно было нечто большее чем укоризненный взгляд. Лоллий непременно воспользовался бы этим средством, если бы знал в чем оно заключается.

– Насмешки неуместны, когда речь идет о святотатстве, – строго сказал он. – Ты ведь, знаешь, я благочестивый человек.

– О да! Сам царь Нума¹⁰ не мог бы с тобой сравниться.

– Благочестивый, – твердо повторил Лоллий. – Просто в отличие от других я не выставляю благочестие напоказ. Я чту богов в своем сердце.

– И кто же встал между тобой и богами?

– Хотел бы я это знать!

Вообще-то, когда Лоллий сюда шел, он вовсе не собирался просить у Петрония помощи. Удивительно, но эта простая и очевидная мысль пришла ему в голову только здесь. Между тем, кто еще мог ему помочь? Кто другой мог разобраться в причинах бедствий, обрушившихся на его дом три дня назад, когда ему доложили, что какой-то негодяй облил краской стоящую в саду статую Вакха. Даже сейчас, рассказывая о случившемся Лоллию трудно было сохранять спокойствие.

– Изображение бога осквернено. Неприкосновенность моего жилища нарушена. В конце концов мне нанесли оскорб-

---

¹⁰ Нума Помпилий – второй царь Рима, установивший правила поклонения богам.

ление! – Лоллий стукнул себя кулаком в грудь.

Однако, всадник не пожелал разделить его возмущение.

– Надеюсь ты выпорол сторожа? – с притворным участием поинтересовался он.

– Конечно. Ничто не обходится нам так дешево как мудрые советы, – желчно поблагодарил Лоллий. – Мой дом стал мишенью стрел безжалостной судьбы, а единственный человек, который может мне помочь упражняется в остроумии.

– Хочешь, чтобы я принял участие?

– В чем?

– В Вакханалии. Ты сказал, что ждешь от меня помощи, вот я и подумал... Ну, раз святое место осквернено, его потребуется заново освятить. Почтить Вакха. С благочестием, на которое мало кто способен кроме тебя.

– А... Нет. То есть ты, конечно, желанный гость в моем доме и все такое. Ты повидал мир, в отличие от всех этих пустых юнцов, не ездивших дальше своей усадьбы в Кампании. С тобой есть о чем поговорить. В конце концов, тебе можно день за днем пересказывать старые сплетни. Но сейчас я жду от тебя помощи более практического свойства.

В помощи Лоллий действительно нуждался. Ведь осквернив скульптуру в первый раз неизвестный злоумышленник не остановился. На следующую же ночь история повторилась. Единственное отличие состояло в том, что преступник выбрал не красную, а черную краску.

– Кто-то другой распорядился бы привести бога в надле-

жащий вид и на этом успокоился. Но ты меня знаешь. Я не такой уж легкомысленный человек, как многие думают. – Лоллий подозрительно посмотрел на всадника. По какой-то причине в этот раз Петроний воздержался от комментариев. – Поэтому, я выставил в саду охрану. Есть у меня один каппадокиец: больше шести футов роста, кудлатый, одноглазый, настоящий циклоп. Я кстати так его и назвал. Полифемом.

– Мог бы проявить больше фантазии. Я имею в виду с именем.

– Он и того не заслужил. Ночью кто-то треснул этого идиота по голове его же собственной дубиной и сбросил на землю. Я имею в виду, Вакха, конечно, а не этого неудачника. Как говорится: «Плохо, небом клянусь, и тяжело стало/Что ни день, что ни час все хуже¹¹», – в подтверждение своих слов Лоллий протяжно вздохнул. – Что делать? Скажи мне.

– Ну, если циклопа ты уже выпорол, попробуй выпороть управляющего.

– Думаешь, поможет?

– Вряд ли, – Петроний с сомнением покачал головой. – Но тебе станет легче.

– Я не хочу, чтобы мне становилось легче!

Лоллий раздраженно взмахнул рукой. К сожалению, он упустил из вида, что в этой руке была чаша с вином. К счастью, вина в ней оставалось немного. К сожалению, большая

---

¹¹ Катулл.

часть остатков приземлилась у него на лице. Лоллий выругался. Свирепо выхватил из руки Петрония протянутую ему салфетку и выругался еще раз.

– Я не хочу слушать дурацкие шутки, – сказал, он утираюсь. – Я не хочу упражняться с тобой в остроумии. Я не хочу даже слушать слова утешения, хоть выжать их из тебя труднее чем масло из камня. Я просто хочу знать, кто это сделал. И я хочу знать почему. И кто как не ты мог бы помочь старому другу, вместо того чтобы насмеяться и давать глупые советы. Ведь ты, не бездельник, которого зовут Луций Лоллий Лонгин. Ты Петроний, для которого нет в мире тайн.

– Не уверен, что тайна опрокинутой статуи сулит самое увлекательное приключение в моей жизни.

Петроний подлил гостю вина. Лоллий сделал глоток, восстанавливая утраченное душевное спокойствие и кивнул. Что ж. Никто не ожидал, что это будет легко.

– Что насчет благочестия? – поинтересовался он.

– Готов почтить бога столькими вакханалиями, сколько потребуется, что вернуть его расположение к твоему дому.

– Поклонение перед красотой?

– Мне не показалось, что речь идет о выдающемся произведении искусства.

– А долг дружбы? Неужели он ничего не стоит в наши испорченные времена?

Петроний вздохнул. Обвел взглядом стены, поморщился, наткнувшись на фреску, изображавшую соблазнение Леды,

и вдруг замер, словно осененный сияющей вспышкой внезапного озарения.

– А, что, повар у тебя остался прежний? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Повар? Еще бы! Зачем мне его менять? – озадаченно отозвался Лоллий. – Ты ведь помнишь моего Пилада. Он может сделать из свиньи мурену, а из угря курицу.

– Предпочитаю угря, сделанного из угря. Могу обойтись куриной курицей. Но в любом случае, я не в том положении, чтобы привередничать.

– Что тебе до моего повара? – Лоллий подозрительно прищурился. Все же изгибы мысли Петрония порой бывали слишком прихотливы, чтобы за ними можно было уследить.

– Не хотелось бы продешевить. Моя кухарка Памфила, женщина, выдающаяся во всех отношениях. – Всадник подался вперед и понизил голос. – Но она предпочитает, народную кухню. Если ты понимаешь, что я имею в виду. Так что спасение своего Вакха ты рассчитаешься со мной обедом.

Так просто? Невозможно поверить, чтобы это оказалось так просто. А ведь Лоллий был готов к тому, что после многочасовых язвительных пикировок ему придется уйти ни с чем.

– Клянусь желудком козы Юпитера, десятком! Ты не разочаруешься! А если разочаруешься, я велю зажарить повара.

– Боюсь он у тебя староват. Молодой гусь меня вполне устроит. – Петроний встал.

– Сейчас? Ты хочешь отправиться прямо сейчас? – Лоллий не мог поверить собственным глазам: Петроний еще минуту назад сучающий и равнодушный теперь казалось излучал энергию. – Я почти уверен, что мой Вакх доживет до утра, – осторожно проговорил он.

– Что сказать? – Всадник пожал плечами. – Ты был красноречив как Цицерон с этой речью о дружеском долге. К тому же, если мы задержимся, то мне, выполняя долг гостеприимства, придется пригласить на обед тебя. К счастью, беды, которые ты так красочно живописал, дают нам обоим прекрасный повод этого избежать. Так что подъем, подъем! – Петроний энергично помахал рукой и Лоллию ничего не оставалось как последовать его примеру. – Мы прихватим с собой моего управляющего. Это тот грозный иудей, который тебя встречал. Его зовут Иосиф. По правде говоря, в том, что касается всяких тайн у него куда больше опыта чем в управлении дом.

Глава 2

Находка в саду

На улице Пекарей не дымились печи, на Субуранском взвозе не толпились нищие, и сомнительные личности не предлагали таких же сомнительных услуг в примыкающих к крикливой Субуре¹² переулках. Лишь редкие продавцы у немногочисленных открытых лавок, за неимением покупателей вяло переругивались друг с другом. Никто не толкался, никто не хватал прохожих за руки, не нахваливал, крича в самое ухо, своего товара. Жара опустошила улицы словно внезапная вспышка чумы и дорога заняла гораздо меньше времени, чем можно было бы ожидать.

Усадьба Лоллия привольно разлеглась в северной части Квиринала¹³, двери дома выходили на Высокую улицу. Поместье с трех сторон было окружено каменной стеной, чуть выше человеческого роста, с четвертой ограничено остатками старой стены Сервия Туллия.

Управляющий Лоллия встретил хозяина и гостей на пороге. Несмотря на обильную седину, он сохранил крепкие

---

¹² Улица и район в Риме.

¹³ Один из римских холмов.

зубы и гордую осанку истинного римского дворецкого. Его круглое, как полная луна, лицо сияло здоровым румянцем, а мелкие морщинки в уголках глаз выдавали легкий и добродушный нрав.

– Надеюсь ты не забыл Эбура? – уточнил Лоллий.

– Невозможно забыть, что такому бездельнику как ты достался лучший управляющий Рима.

– Да уж. Безупречный дворецкий. – Лоллий самодовольно усмехнулся, пропуская Петрония вперед. – Фортуна выбирает достойных.

– Господа слишком добры. Если бы я заслуживал ваши похвалы, беды обошли бы наш дом стороной. – Эбур воспитанно придержал двери для Иосифа и вошел в атрий последним.

Все здесь говорило о том, что дом находится в заботливых и твердых руках. Вода в имплювии¹⁴ искрилась, окружавшие его цветы благоухали, пол сиял, а прикрывавшие дверные проемы занавески ниспадали безупречными складками. Восемь лазоревых колонн поддерживали крышу, статуэтки коринфской бронзы деликатно выглядывали из ниш в стенах, серебряная посуда сверкала на тяжелой плите картибула¹⁵. Слуги, которых они встретили на пути, были заняты делом, а не празднично слонялись из угла в угол как это часто можно было видеть в иных городских домах.

---

¹⁴ Небольшой бассейн посреди атрия.

¹⁵ Традиционный стол на каменном основании.

– Что поделаешь. Как говорится: «Нет человека, кого б Зевс от беды сохранил»¹⁶. – Лоллий легкомысленно пожал плечами и тут же распорядился. – Эбур я хочу, чтобы сегодня у нас был обед, за который не было бы стыдно перед памятью самого Лукулла¹⁷. Я хочу, чтобы Апиций¹⁸, захлебнулся слюной от зависти.

– Сделаю все, что в моих силах господин, – отозвался управляющий.

– Вот теперь я уверен, что мне не придется пожалеть о своем альтруизме, – Петроний с серьезным видом кивнул.

---

¹⁶ Мимнерм.

¹⁷ Римский полководец и знаменитый гурман.

¹⁸ Знаменитый римский гурман.

Из всех друзей хозяина, молодой всадник был, пожалуй, наиболее симпатичен Эбуру. Говорят, в детстве Петроний был нервным, впечатлительным, капризным и склонным к истерикам мальчишкой. Если это правда, то после трагедии, что двенадцать лет назад случилась с его родителями, на свет появился совсем другой человек. Он отгородился от мира броней несокрушимой иронии, но среди окружавших Лоллия беспечных повес Марк Петроний был единственным, для кого смысл жизни не сводился к бесконечной погоне за удовольствиями.

Дворецкий был искренне рад, узнав о возвращении всадника в Рим, и одной из причин этой радости были соображения вполне эгоистического свойства. Эбур втайне надеялся, что возобновление старой дружбы окажет благотворное влияние на молодого господина, чье отношение к жизни с возрастом становилось, кажется, все более легкомысленным.

Однако, глядя на то с какой энергией гость взялся за дело, Эбур подумал, что самому Петронию стоило бы позаимствовать немного легкомыслия у своего друга. Отказавшись от легких закусок и освежающих напитков, всадник пожелал немедленно осмотреть место происшествия, потребовав, чтобы в его распоряжение предоставили трех крепких слуг.

– Пускай захватят кирки и лопаты.

– Хочешь разбить моего Вакха на кусочки и закопать в саду? – с нервным смешком осведомился Лоллий.

– Это могло бы решить проблему. Нет статуи – нет забот.

Лоллий, улыбнулся, как показалось Эбуру несколько натужно, но промолчал. Управляющий и сам не рискнул бы с полной уверенностью утверждать, что гость шутит. Решив, что в таком важном деле его присутствие будет бесполезным, Эбур дал необходимые указания относительно обеда и поспешил присоединиться к отправившейся в сад экспедиции.

Скульптура, почтительно прикрытая коричневым полотнищем, лежала чуть в стороне от своего пьедестала. Нельзя сказать, что пострадавшее произведение искусства отличалось вкусом или большой оригинальностью. Обнаженный Вакх, в венке из виноградных листьев, примерно пяти с половиной футов в высоту, стоял, чуть согнув левую ногу. В поднятой правой руке он держал кубок, а левой опирался на увитый виноградной лозой ствол дерева. Все это крепилось к массивному мраморному основанию, так что, опрокинувший статую злоумышленник должен был обладать незаурядной силой.

Из дома в сад можно было попасть через небольшой коридор отделявший атриум от перистилля¹⁹. Другой путь пролегал из хозяйственного двора, который соединяла с садом небольшая калитка, по уверениям Эбура, всегда запиравшаяся на ночь. Еще одна калитка находилась неподалеку от места происшествия. В прежние времена она служила для прямого сообщения с расположенной сразу за стеной усадьбой Квинта Лоллия Лонгина, дядюшки Луция. Однако, как с горечью сообщил молодой человек, два года назад дядюшка продал свое римское поместье некоему Гаю Варию Сирпику: одному из тех новых богачей, сомнительность репутации

---

¹⁹ Внутренний двор.

которых могла поспорить лишь с размерами их состояния.

Петроний и Лоллий сидели в принесенных из дома легких креслах, наблюдая за тем, как трое слуг, под руководством Эбура и под присмотром Иосифа пыхтят, пытаясь приподнять плиту, служившую постаментом злополучной скульптуре.

– Эбур навещает соседей регулярно. Кажется, он был знаком с хозяйкой дома еще в незапамятные времена и с тех пор, конечно, пользуется ее полным доверием, – сообщил Лоллий.

– А ты?

– Клянусь счастливой рубашкой Геркулеса, если бы ты видел моего соседа, ты бы не спрашивал. Внук вольноотпущенника. Или погонщика мулов. Или что-то в этом роде. Кошмарный тип откуда-то с севера. Нечего говорить, дядюшка удружил мне этой своей сделкой. Как говорится: «В природе смертных это. Человек /Всегда сильнее себя чем друга любит»²⁰. Что сказать? Продав дом, дядя ничего не потерял. Живет на своей вилле в Кампании, а когда ему заблагорассудится, приезжает в Рим, чтобы, остановившись у меня, меня же и поучать римским добродетелям.

– Почтенный Квинт Лоллий по-прежнему все такой же почтенный?

– Хуже прежнего. Он одержим идеей выращивать зерно на продажу в Италии, а это дорогое удовольствие. В наше

---

²⁰ Еврипид: «Медея»

время, при дешевизне египетских и африканских поставок, лучше играть в кости и купать сирийских танцовщиц, чем растить пшеницу. Прибыль та же, но забот меньше. Я советовал ему разводить павлинов или завести садки с рыбой, но ты знаешь Квинта. Он всегда был упрям как сто ослов, а с возрастом стал еще упрямее. Говорит, что павлины – это роскошь и мода на них скоро пройдет, а хлеб будет нужен всегда.

– Продажа дома связана с его увлечением?

– С чем еще? Ему понадобились деньги, чтобы погасить долг за пастбища и скот, купленные в Апулии. Судя по тому, что дядюшка не любит распространяться на эту тему, ничего хорошего ни со скотом, ни с пастбищем у него не получилось. Как, впрочем, и со всеми остальными затеями. Пока он держится, но, если все так пойдет и дальше, я боюсь, через год-два дяде Квинту придется либо избавляться от лишней земли, либо лезть в долги.

– Я вижу, ты стал разбираться в сельском хозяйстве.

– Еще бы. У дядюшки, когда мы с ним встречаемся, есть, видишь ли, две темы для разговоров: порицание моего легкомысленного образа жизни, и рассуждения о наилучших способах управления виллой. И если я не желаю выслушивать первое, мне поневоле приходится интересоваться вторым.

В этот момент беседа была прервана Эбуром, который доложил, что плиту, удалось наконец сдвинуть с места и теперь

слуги ждут дальнейших указаний.

– Отлично. Пускай начинают копать, – распорядился Петроний, поднимаясь с кресла. – Я думаю, скоро мы пойдем, в чем тут дело.

Действительно, прошло совсем немного времени, когда один из землекопов в очередной раз, воткнув острие лопаты в землю, вытащил наружу край грязно-серой, наполовину истлевшей ткани. Подчиняясь знаку Эбура, в яму прыгнул второй слуга. Осторожно, вначале с помощью лопат, а затем и руками, расчистив дно ямы, рабы выпихнули наверх, прямо к ногам стоявших в некотором отдалении господ, длинный, испачканный в земле сверток. Сладковатый, тошнотворный запах, некоторое время витавший над местом раскопок стал сильнее. Лоллий уже начал понимать, что за находка может обнаружиться внутри. Но, скованный ужасом этого понимания, он был не в силах не только отойти в сторону, но даже оторвать глаза.

Один из слуг ухватился за край ткани и резким движением развернул сверток. Невыносимый смрад обрушился на Лоллия в тот момент, когда какой-то грязно-бурый, гигантский слизняк, вывалившись наружу, стукнулся о его сандалию.

У Гая Вария Сирпика-младшего, кажется, затекло все тело, прежде чем суматоха в соседском саду, наконец, утихла. Но, делать было нечего. Пока Варий сидел на ветке, от посторонних глаз его надежно прикрывала крона, однако, если бы он стал спускаться, то неизбежно был бы замечен кем-то из домочадцев Лоллия.

Конечно, Сирпику-младшему повезло, что сосед затеял свои раскопки именно тогда, когда он прятался в ветвях старой груши, откуда соседский сад был виден как на ладони. Сперва, когда компания землекопов, начала возню вокруг каменной плиты, с которой кто-то уже успел убрать статую Вакха, Сирпик не придавал этой суете никакого значения. Куда больше он был заинтригован двумя экстравагантными бородачами, похожими то ли на философов, то ли на варваров. В первый момент мальчик решил, что это землемеры или какие-нибудь агрономы. Однако, с одним из них Лоллий беседовал, будто со старым приятелем, и Варию пришлось отказать от этого умозаключения. О чем шла речь мальчик, конечно, не мог слышать. Тем не менее, факт наличия у соседа друзей, так мало похожих на молодых римских бездельников, был примечателен сам по себе.

Когда рабы сдвинули плиту и стали раскапывать яму, Сирпик окончательно уверился, что дело тут не в обычном

переустройстве сада. Он видел, как слуги вытолкнули из ямы какой-то грязный сверток, как болван сосед грохнулся в обморок при виде мертвеца и как бородачи, прикрывая носы платками, склонились над трупом.

По правде говоря, когда Сирпик-младший разглядел содержимое свертка, он сам едва не последовал примеру Лоллия. Извлеченный из земли раздувшийся труп выглядел ужасающе. И если тошнотворный запах доносился даже до его убежища, можно было только посочувствовать тем, кто находился рядом.

Шокирующая находка и обморок Лоллия, посеяли легкую панику среди присутствовавших при этом домочадцев. Однако, в конце концов, надменному соседскому управляющему удалось навести порядок и организовать правильную эвакуацию всех участников раскопок.

Вначале на специально принесенных из дома носилках, унесли бесчувственного хозяина. Впереди торжественно шагал Эбур. Домашний врач Тимон семенил сбоку, придерживая у лба Лоллия смоченное водой полотенце. Замыкал процессию один из бородатых незнакомцев. Следом, двое слуг, под руководством второго бородача, уволокли найденный в саду труп, завернув его предварительно в толстую холстину. Когда последний из землекопов удалился, собрав инструменты, Варий, наконец, смог безбоязненно спуститься с дерева.

– Прости Лоллий, я не ожидал, что это зрелище произведет на тебя такое ошеломляющее впечатление.

Скрестив ноги и, слегка наклонившись вперед, Петроний сидел на стуле напротив ложа, на котором раскинулся хозяин дома. Бледный, с прилипшими ко лбу прядями волос, Лоллий осмотрелся и, обнаружив, что находится в летней спальне, слабым голосом спросил:

– И долго я провалялся... ошеломленным?

– Не больше получаса, – успокоил Петроний. – Твой врач сказал, что все дело в жаре. Вначале ты перегрелся на солнце, а потом испытал сильное нервное потрясение.

– А где твой иудей? – Лоллий нерешительно пошевелился.

Стоявший у дверей спальни Эбур подскочил к постели и, поддерживая одной рукой хозяина, а другой, поправляя подушку, помог ему приподняться.

– Осматривает тело. Надеюсь, скоро закончит. – При слове тело Лоллий содрогнулся, а Петроний продолжал, как ни в чем не бывало. – Труп слегка подпортился, но Иосиф опытный врач. Твой Тимон помогает ему. Надеюсь, они сумеют найти что-нибудь полезное. А поскольку от меня в этом деле все равно не было бы никакого толка, я решил побыть с тобой.

– Спасибо, – неуверенно пробормотал Лоллий.

– Всегда рад услужить старому другу. К тому же там плохо пахнет.

– Откуда ты знал, что под статуей тело?

Петроний пожал плечами:

– Твоя скульптура не показалась мне произведением искусства, способным вызывать сильные чувства. Я подумал, если дело не в ней, причина может под ней. И конечно я предполагал, что это будет что-нибудь более прозаическое. Например, клад. Ну или кувшин пятидесятилетнего фалерна, который припрятал кто-нибудь из твоих рабов.

В этот момент дверь приоткрылась, и в спальню осторожно заглянул один из домашних слуг.

– Чего тебе, Андроник? – вполголоса спросил Эбур.

– Господин, этот иудей, врач, говорит, что закончил и хочет поговорить со своим хозяином, – ответил низенький черноволосый Андроник.

Эбур вопросительно посмотрел на хозяина.

– Пускай войдет, – разрешил Лоллий.

– Это мужчина примерно 40 лет, крепкого и грузного телосложения. На теле я обнаружил две раны и обе они были смертельными. Первый удар был, очевидно, нанесен в спину – нож пронзил легкое и рассек сердце. Потом ему перерезали горло.

Доклад Иосифа не занял много времени.

– Кто это? Откуда он взялся в моем саду? – Требовательно спросил Лоллий.

Иосиф пожал плечами:

– Тело не том состоянии, чтобы можно было делать сколько-нибудь определенные выводы. Телосложением убитый походил на борца. Однако я обнаружил несколько старых шрамов, а мозоли на руке, насколько я могу об этом судить, похожи на мозоли от меча.

– Солдат? – уточнил Петроний.

– Разбойник? – предположил Лоллий.

Иудей покачал головой:

– Как я уже сказал, после того как тело пролежало в земле столько времени затруднительно утверждать что-либо с твердой уверенностью. К тому же, я заметил, что почва в этих местах отличается повышенной влажностью, что, несомненно, ускорило процессы разложения. Единственное, что я могу сказать уверенно – это человек, привычный к мечу.

– Как бы там ни было, все это не имеет значения, – Петроний не стал настаивать. – Тайна разгадана. Уверен, что теперь покушения на твоего Вакха прекратятся, и ты можешь безбоязненно вернуть его на место. Конечно, после того как совершишь обряд очищения и принесешь все необходимые жертвы. А я заслужил свой обед. И право участвовать в следующей Вакханалии.

Но у хозяина дома было другое мнение.

– И это все? Ты нашел в моем саду труп, и собираешься просто отойти в сторону, – недоверчиво переспросил он. – Собираешься все бросить?

Петроний в ответ лишь молча пожал плечами.

– Ты не можешь так поступить. – Лоллий помотал головой. – Я должен знать, кто надругался над моим Вакхом. Я должен знать, кто осквернил мой дом убийством. Клянусь копытами Хирона, этого требует от меня долг благочестия!

Петроний задумчиво погладил бороду. На самом деле он, конечно, не хотел бы сейчас уйти в сторону. Дело, начавшееся столь заурядно, совершило поворот, суливший тайну, на которую стоило потратить несколько дней. Учитывая скандальные обстоятельства и обширный круг знакомств Лоллия, успех в нем обещал Петронию восстановление потерянной за четыре года репутации. А репутация означала новых клиентов и возвращение к тому образу жизни, к которому он был наиболее расположен. И наконец, необходимость проводить расследование давала более чем благовидный предлог,

чтобы отодвинуть на неопределенный срок ремонт, еще час назад казавшийся неотвратимым, как меч Немезиды. Однако, люди мало ценят то, что достается им слишком легко и потому Петроний не спешил с ответом.

Между тем, неверно истолковавший колебания друга Лоллий взмолился:

– Ведь это же пустяк для тебя. Все знают, что в целом Риме нет человека умнее... Во всей Италии, да нет, в самой Александрии не найти никого кто бы смог разобраться в этом деле лучше. Я всегда говорил, что не встречал человека проницательнее тебя. Эбур, помнишь, сколько раз я говорил, что Петроний посрамил бы самого Пифагора, случись им поспорить о том, кто мудрее?

– Безусловно. Молодой хозяин неизменно высоко отзывался о твоих способностях, господин, – подтвердил слова патрона управляющий.

– Именно. Я каждому говорю: нет на свете такой тайны, которую Петроний не смог бы разгадать.

– Ты утопишь меня в сиропе из лести, – Петроний изобразил легкое недовольство и словно бы с огромной неохотой произнес. – Однако, что же делать: долг старой дружбы и мое благочестие не позволяют ответить отказом.

– Клянусь кулаками Поллукса, ты настоящий друг!

В порыве чувств Лоллий вскочил. Подушка, на которой он лежал отлетела в сторону и непременно упала бы на пол, если бы не Эбур, перехвативший ее в воздухе.

– Отрадно видеть такой энтузиазм. Я надеюсь он не испарится с первыми лучами завтрашнего солнца, – строго сказал Петроний. – Дело это не кажется простым, так что мне потребуется от тебя все содействие, которое ты сможешь оказать. Мы начнем с опознания трупа. Учитывая, состояние тела я не питаю иллюзий. Но не хочу упрекать себя в том, что не сделал того, что был должен сделать. Пусть убитого осмотрят твои домочадцы. Все станет значительно проще, если мы будем знать кто это.

– Ты слышал, Эбур? Организуй что нужно, – распорядился Лоллий.

Управляющий поклонился и направился к двери.

– погоди, – остановил его Петроний. – Еще я хочу знать, когда была установлена скульптура. Я могу подождать, но мне нужна точная дата.

Эбур кивнул.

– Нет необходимости ждать, господин. После того как начались эти... неприятности, я сверился со своими записями. Мы поставили Вакха в 8-й день до июньских календ²¹. Освящение произошло в 5-й день²², перед началом праздников Дианы.

Петроний задумался. Не исключено, что это могло сработать.

– Вы покупали после этого новых рабов? – спросил он.

---

²¹ 25 мая.

²² 28 мая.

– Нет, господин, с тех пор как в марте я приобрел помощника повара состав нашего персонала не менялся.

– Подожди, Эбур, что ты говоришь. А гладиатор? Он пришел к нам как раз в мае, – вмешался хозяин дома.

– Гладиатор? – Петроний бросил быстрый взгляд на своего управляющего, который в ответ неуверенно наклонил голову.

– Рудиарий²³. Аякс. Весьма крепкий мужчина. Но мы не покупали его, а наняли, и это случилось в день Кастора и Поллукса²⁴. До установки статуи, а не после, – педантично уточнил Эбур.

– Какая разница, – махнул рукой Лоллий.

– И все-таки, – твердо возразил Эбур.

– Я увидел его представление, у Старого Капитолия, – пояснил хозяин дома. – Парень сгибал железные прутья толщиной в два пальца и протащил за собой телегу, груженную кирпичами.

– Возможно, все будет проще чем я думал, – задумчиво произнес всадник. – Распорядись, чтобы Аякса прислали ко мне.

---

²³ Гладиатор, получивший свободу.

²⁴ 20 мая.

Глава 3

Гладиатор

Аякс, на плече которого болтался мешок с точильным камнем и несколькими ножами, устало топал по улице. Подойдя к усадьбе, гладиатор толкнул калитку и удивленно застыл. Хозяйственный двор был заполнен людьми. Казалось, все домашние высыпали наружу, сбившись там и тут в кучки по несколько человек. Вместо того чтобы прятаться в бараках от жары и зоркого глаза управляющего, всегда готового найти бездельникам работу, домочадцы, переходя от одной группки к другой что-то оживленно и заинтересованно обсуждали. Гул их возбужденных голосов напоминал то ли растревоженный пчелиный рой, то ли цирк перед началом выступлений. Аякс повертел головой, оглядываясь по сторонам.

– Красавица, а что это у нас случилось? Мы ждем в гости Цезаря? – Гладиатор подхватил за локоть пробегающую мимо пухлую, улыбчивую служанку с пустым кувшином в правой руке.

Звали ее вроде бы Никея, но Аякс не был в этом твердо уверен.

– Ой,пусти ты. Что пристал?

Никея, или не Никея картинно взвизгнула, предприняв неубедительную попытку вырваться. Рудиарий, чьи плечи по ширине почти не уступали его росту, а бугрящееся мускулами тело покрывали живописные шрамы, числился в усадьбе завидной парой.

– А к кому мне приставать? Не к Бриарею же. – Аякс кивнул на дремавшего, а может быть и помершего наконец старца, с лицом, сморщенным как печеное яблоко. Патриарх, помнивший, наверное, еще времена Суллы, исполнял необременительные и, в общем-то, никому не нужные обязанности сторожа при калитке, соединявшей хозяйственный двор с садом. – У тебя бока мягче.

Гладиатор ущипнул свою пленницу за бок, оказавшийся и, правда, безупречно мягким. От этого знака внимания она еще раз взвизгнула и окончательно оставила попытки освободиться.

– Чего тебе?

– Почему шум?

– Мертвеца в саду откопали. На кусочки порезанный. – Девушка картинно округлила глаза и, придвинувшись ближе, отчего ее грудь уперлась Аяксу в локоть, загадочно понизила голос. – Говорят, гладиатора Вакху пожертвовали.

– Почему гладиатора? – Аякс отпустил пленницу.

– Люди говорят. Люди знают. Мертвец в шрамах. Как ты.

Служанка томно пожала плечами, глядя на Аякса из-под полуопущенных ресниц. Однако гладиатор остался равноду-

шен к этим маневрам и, даже слегка нахмурился. Возмущенная отсутствием внимания, девица фыркнула, мол, найдутся и получше, подхватила кувшин и побежала дальше.

– Мертвецы. Мертвецы не успокоятся. И прячутся, и ходят, на глаза не кажутся. Ходят вокруг, ходят. Их земля не принимает, и носить не хочет.

Сидевший у калитки Бриарей, все-таки не помер. Наоборот, он успел проснуться и теперь смотрел на рудиария сквозь падавшие на лоб редкие седые пряди.

– Болтаешь много, старик. К старости из ума выжил, – буркнул Аякс.

– Из ума выжил, да жив. Кто помоложе дважды помер.

Прояснить это странное замечание старый привратник, впрочем, не успел. От дома к Аяксу устремился Парис, служивший личным секретарем Лоллия и мальчиком на побегушках. В чистой, ярко-зеленой с золотистой оторочкой тунике секретарь выделялся на хозяйственном дворе как птица павлин в курятнике.

– Аякс, слава Доброй богине, ты вернулся. Немедленно ступай в дом. Господа ждут.

– Зачем еще?

Гладиатор сплюнул на плотно утрамбованную землю. Аякс не скрывал пренебрежения к жеманному секретарю со дня первой встречи и не видел никаких причин, почему сегодняшний день должен стать исключением.

С высоты своих шести футов роста Парис смерил низко-

рослого рудиария презрительным взглядом, и процедил:

– Хозяин велел. В саду нашли тело. Тебя зовут опознать.

Идем.

Если секретарь надеялся, что упоминание хозяйского приказа произведет на гладиатора впечатление, то напрасно.

Аякс не шелохнулся.

– Ага. Сейчас. Побегу. Только, мне умыться надо. С дороги.

– Сейчас ступай. Ждет господин, – в голосе секретаря прорезалась плаксивая обиженная нотка, чего рудиарий, собственно, и добивался.

– Ладно. Подойду сейчас, – он обидно ухмыльнулся Парису в лицо.

– Ты сейчас подойди, – Парис не отставал.

– Сейчас и подойду. Камень отнесу, и приду. – Рудиарий встряхнул висевший на плече пыльный мешок, отчего лежавшие в нем ножи глухо лязгнули. – А то, если хочешь, можешь сам отнести. Тут до кухни недалеко. Хватай и неси.

Аякс сделал вид, будто собирается перевесить мешок на плечо секретаря, и тот испугано отскочил.

– Ладно тебе, неси свой камень, только скорей.

– Ага. – Аякс согласно кивнул, но не сдвинулся с места, с достаточно наглым, как он надеялся, выражением лица, рассматривая растрепавшуюся от беготни прическу Париса.

Щеголь фыркнул, гневно, но, не очень разборчиво проворчал себе что-то под нос и бесславно покинул поле боя.

Аякс некоторое время смотрел ему вслед, стронувшись с места, лишь когда секретарь скрылся в доме. Небрежным движением сбросив на землю свой мешок, рудиарий решительно шагнул не к дому и даже не к кухне, а совсем, наоборот, к калитке, через которую он только что вошел.

Велабрский сыр дразнил обоняние душистым, дымным ароматом, нежнейший паштет из гусяной печенки таял во рту, выдержанные в молоке улитки шипели на сковородке в кольцах жареного лука, а луканская колбаса сочилась сочными медовыми каплями. В печи доходил гусь, фаршированный ветчиной и орехами. У Лоллия были все основания гордиться своим поваром, который за такое короткое время сумел приготовить обед достойный Лукулла. Умиротворенный ужином всадник был необыкновенно благодушен и даже полный провал всех сегодняшних начинаний, кажется, ничуть не омрачал его безмятежного настроения.

Между тем, фиаско было бы еще более сокрушительным, если бы не титанические усилия Эбура, взявшим на себя нелегкий труд организации опознания мертвеца. Никаким благовоением не под силу было перебить смрад, заполнивший подвал под больницей. По этой причине Лоллию трудно было осуждать своих домашних, которые всячески стремились уклониться от участия в этой процедуре. Некоторых девиц пришлось волоочь в импровизированный морг силой. Две из них при этом все равно упали в обморок. Красавчик Парис исторг из желудка остатки обеда, едва приблизившись к столу, на котором, в обрамлении крупных кусков льда, лежало тело. Юный Пеламед выходя из морга расплакался, а

Делия, хоть и спустилась в морг самостоятельно, говорят, наотрез отказалась открывать глаза.

И тем не менее, Эбур оставался непреклонен и лично проследил за тем, чтобы никто не смог уклониться от тягостной обязанности. Единственное исключение, по причине почтенного возраста и сомнительного состояния здоровья, управляющий сделал для Бриарея. Учитывая в каком состоянии, была память дряхлого привратника польза от его присутствия в подвале представлялась сомнительной, а риск получить на руки еще один труп слишком велик.

Впрочем, от всех остальных домочадцев пользы тоже было не много. Жертвы, принесенные ими на алтарь справедливости, оказались напрасными. Неопознанный труп так и остался неопознанным. Тот факт, что, сбежав Аякс, можно сказать сам признался в преступлении, служил слабым утешением. Что толку знать преступника, если невозможно привлечь его к ответу? Как найти убийцу и осквернителя среди тысяч таких же негодяев, наводнивших Рим?

– Да не так он и глуп, чтобы оставаться в городе, – Лоллий с унылым видом озвучил мысль, пришедшую ему в голову.

Он представил, как мерзавец покинул Рим и движется в какую-нибудь Галлию, с каждым часом все, более отдаляясь от справедливого возмездия за свои преступления, и еще больше помрачнел.

– Я не думаю, что Аякс глуп, – отозвался Петроний. – Поэтому, я уверен, что он никуда не денется из города. По край-

ней мере, до тех пор, пока не закончит свои дела.

– Клянусь прялкой Юноны, что ты можешь знать про его дела?

– Я знаю, что он оставался в твоём доме до сегодняшнего дня.

– Что ты хочешь этим сказать? – недоуменно спросил Лоллий, не дождался ответа и привычно воззвал к дворецкому. – Эбур, ты понимаешь, что он имеет в виду?

– Видимо, господин имеет в виду, что у рудиярия был некий план, который он по какой-то причине не успел осуществить, – предположил управляющий.

Лоллий нахмурился. Обдумал замечание галла и вдруг его озарила внезапная догадка. Идея показалась настолько очевидной, что Лоллий от возбуждения даже прихлопнул ладонью по столу.

– Ну конечно, клянусь крылышками Меркурия! Аякс – гладиатор, значит и второй тоже. Вот откуда у мертвеца шрамы! Он никакой не солдат! Он гладиатор!

– Я восхищен твоей проницательностью, – отозвался Петроний.

Восхищенные люди не говорят таким насмешливым тоном, но Лоллий решил не придавать значения мелочам.

– Это одна шайка, – продолжил он развивать свою мысль. – Они собирались меня ограбить. Аякс устроился в усадьбу, все разузнал, а в подходящий момент впустил подельника. Потом они что-то не поделили и один зарезал дру-

гого. Так часто бывает среди разбойников.

Реакцию на эту речь трудно было назвать вдохновляющей. Петроний даже не пытался скрыть снисходительную ухмылку. Мрачный иудей, встретившись взглядом с хозяином дома, глубоко вздохнул и зачем-то посмотрел в потолок. И лишь верный Эбур изобразил деликатную заинтересованность словами патрона.

– Я, правда, не понимаю, чем ему не угодил мой Вакх..., – протянул Лоллий.

Этот неловкий для хозяина дома момент, мог бы стать еще более неловким. К счастью, как раз наступило время второй перемены и в разговоре возникла спасительная пауза. Пока ставили новые столы и воздавали должное мастерству повара, замечание Лоллия было милосердно забыто.

– Скажи, друг мой Лоллий, а не случилось ли тебе принимать гостей за день или за два до того, как Вакх был установлен на свое место? – благодушно поинтересовался Петроний, откидываясь на подушку.

– Гостей? Клянусь водой Леты²⁵, по-твоему, я способен вспомнить гостей, которые были у меня в прошлом месяце? Я и о тех, кто был вчера, не всегда могу вспомнить утром. Эбур, ты не помнишь?

За много лет, Лоллий привык обращаться к управляющему с любыми затруднениями, которые у него возникали.

– Я уже думал над этим, господин, поскольку предпола-

---

²⁵ Река завбения.

гал, что подобный вопрос может возникнуть, – как обычно Эбур не подвел. – Если я не ошибаюсь, в 9-й день до июньских календ²⁶ мы имели удовольствие принимать в гостях Публия Сульпиция Корвина и молодого господина из фамилии Юниев. Его имени я, к сожалению, не могу припомнить. Обед, однако, вышел скомканным, поскольку distinguished Квинт Лоллий Лонгин, обрадовал нас своим неожиданным визитом.

– Точно! – Лоллий Лонгин с чувством хлопнул себя по лбу. – Хорошо еще, что старый зануда явился, когда праздник только начинался. Иначе мне бы несдобровать. Он бы потом целый год мне это припоминал. А так все ограничилось одним испорченным обедом.

Удивительно, что Лоллий сам не вспомнил, все обстоятельства этого испорченного вечера, учитывая драматичный характер появления в усадьбе любимого дядюшки. Как это не раз бывало, Квинт Лоллий не удосужился заранее известить племянника о своем приезде. Слуга, прибежавший в сад с этим известием, застал компанию врасплох. Наскоро извинившись перед гостями за сорванный праздник, Лоллий нацепил на лицо самую радушную из всех своих фальшивых улыбок и отправился в атрий встречать дядюшку.

В итоге запланированная им скромная оргия превратилась в занудный семейный обед. Престарелый родственник не упустил случая преподать вынужденным слушателям азы

---

²⁶ 24 мая.

агрономической науки вперемешку с наставлениями морального порядка. Естественно, праздник не продлился долго. Воспользовавшись первым же удобным случаем, неблагодарные гости расплозились по спальням.

– Клянусь, это был кошмар. Представь, мне пришлось слушать, что он думает относительно рекомендаций Катона о нормах сбалансированного рациона сельских рабов. – Лоллий картинно вздрогнул.

– Наверное, это было не совсем то, на что ты рассчитывал, – посочувствовал Петроний.

– Уж, конечно, – фыркнул Лоллий. – Эта лекция заменила греческую пантомиму, которую мы собирались смотреть. Я нанял четырех мимов. Ради чего? Чтобы слушать сколько хлеба и масла нужно выдавать на день работникам в поле, вместо того чтобы смотреть представление? И учти, мне все равно пришлось заплатить этим мошенникам половину оговоренной суммы. Пили мое вино, ели мой хлеб, а потом сказали, что я еще должен им за это денег.

– Уверен, что пантомима должна была быть непристойной.

– Слегка, – Лоллий самодовольно ухмыльнулся.

– Почему я не удивлен? – Петроний возвел глаза к потолку.

– Нет, серьезно. Корвин просил меня организовать что-нибудь особенное. Этот его новый приятель, Юний Рустик.

Он провинциал. Из какого-то городка в ближней Галлии²⁷. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

– Вы хотели получить особенное удовольствие, – Петроний понимающе улыбнулся.

– Вот именно. Корвин сказал, что Рустик... был воспитан в строгих правилах. Как истинный римлянин. Провинциальный римлянин. Он приехал в Город недавно. Мы решили, что наш священный долг порадовать его скромной домашней пантомимой.

– Полагаю, Юний горд, как всякий юный провинциал, явившийся завоевать Рим, – предположил Петроний.

– О да. Горд и добродетелен, – с восторгом подтвердил Лоллий.

– Что общего у порядочного молодого человека и таких повес как вы с Корвином?

– Не знаю. – Лоллий беззаботно пожал плечами. – Меня с ним познакомил Корвин. Кажется он чей-то дальний родственник.

– Я помню Корвина. Он ведь довольно легкомысленный человек?

– Клянусь покрывалом Весты, по сравнению с ним я образец благоразумия, – весело согласился Лоллий.

Пару месяцев назад Корвин приобрел сомнительную славу, заплатив две тысячи девятьсот пятьдесят шесть сестерциев за ночь с Эвридикой, молодой куртизанкой, недавно при-

---

²⁷ Северная Италия.

ехавшей в Рим. Пикантность истории заключалась, конечно, не в величине уплаченной суммы. Спустя некоторое время, совершенно загадочным образом, всему Риму стали известны обстоятельства торга, который длился неделю и сопровождался обширной перепиской. В письмах самым подробным образом оговаривалась каждая из услуг, в том числе довольно пикантного свойства, которую Корвин желал получить за свои деньги. Петроний, находившийся в это время в Александрии, не мог знать этой истории и Лоллий не без удовольствия пересказал ее во всех подробностях.

– Было бы хорошо, если бы ты помог мне устроить встречу с Корвином и его другом, – попросил Петроний, когда хозяин дома закончил.

– Как скажешь. Я не знаю где искать Юния, но написать Корвину могу прямо сейчас. Я, правда, не понимаю, зачем ты тратишь время, – Лоллий недоуменно наморщил лоб. – Откуда Корвину или Юнию знать где прячется гладиатор? Лучше было бы заняться слугами. Наверняка Аякс обзавелся приятелями или подружкой в доме. Не может быть, чтобы никто не знал куда он сбежал. Или можно...

У Лоллия было еще много идей, но терпение никогда не входило в число добродетелей, которыми мог бы похвастаться его друг.

– Лоллий, если бы мне нужны были твои советы, я бы непременно тебя о них попросил, – перебил его всадник. – Я же прошу у тебя лишь содействия, при том в деле, в котором

ты заинтересован куда больше меня. Что до гладиатора, то его поиски, это моя забота. Кстати, известил ли ты почтенного Статилия Тавра о том, что случилось? Префект Рима будет недоволен, если узнает о трупe и сбежавшем гладиаторе из городских сплетен.

– Конечно, – Лоллий уныло кивнул. – Тавр просит завтра нанести ему визит. Наверное, придется пойти? Как ты считаешь?

Последние слова Лоллий произнес тоном, не оставлявшим никаких сомнений, в том, что посещение префекта стоит на последнем месте в перечне дел, которым он хотел бы уделить время. Зная суровую славу Статилия Тавра, можно было уверенно утверждать, что в Риме вообще немного нашлось бы людей, способных обрадоваться его приглашению. Особенно учитывая причины и обстоятельства. Но, увы, Петроний был не тем человеком, у которого стоило искать сочувствие.

– Уверен, ты выдержишь это испытание с честью, – сказал всадник и торжественно отсалютовал приятелю кубком.

Еще один бессмысленный день и еще один напрасно потраченный вечер. За время, что он жил в Риме, эти дни слиплись в один, бесконечно унылый и безрадостный, как слипаются друг с другом комки грязи. Все чаще Юнию казалось, что он живет в каком-то вязком и сером тумане. Густом тумане, из которого все труднее было выбраться. Тумане, из которого все меньше хотелось искать выход.

Еще несколько месяцев назад, когда он только приехал в Рим, мир вокруг был ярким, цветным и праздничным. Тогда каждый день играл красками новых надежд. Каждый день казался не похожим на другой. Эти дни отличались друг от друга вкусом и запахом и внутренней музыкой, которая играла только для него.

Тогда он верил в свою удачу. Верил, что нужно лишь протянуть руку, нужно сделать еще один шаг. Но время шло, краски тускнели, а надежды ветшали, как обветшала от частых стирок его тога.

Он перестал мечтать о том, как в один прекрасный день его жизнь волшебным образом переменится. Перестал верить в успех и признание. Привык довольствоваться малым.

Еще пару месяцев назад услышав от Вириния небрежно брошенное: «Эм... Рустик, отобедай со мной сегодня», он бы преисполнился радужных надежд. Он бы строил планы и

мечтал о знакомстве, которое в единый момент переменит его жизнь. Знакомстве, которое даст ему наконец шанс проявить себя. Занять то место, которое он заслуживает.

Сегодня он уже не был так наивен и твердо знал, что никакой обед не стоит унижений, которыми за него приходится платить. Вириний и гости за первым столом пировали сицилийской муреной и каплунами размером с гуся. Юнию пришлось довольствоваться парой раков, угрем, выловленным в грязных водах Тибра и птицей, которая вполне могла быть сорокой, издохшей от старости в своей клетке.

Что до полезных знакомств, то третье ложе за третьим столом давало ему немного шансов. Весь сегодняшний вечер Юний провел в окружении людей, что сделали своей профессией унижительное искусство клиентелы. Людей, что в перерывах между бесстыдными славословиями и беспардонной лестью в адрес хозяина, похвалялись друг перед другом милостынями, полученными от щедрых патронов, подобно тому, как старые солдаты похваляются шрамами, полученными в битвах.

В их кругу Юний чувствовал себя как голубь, по ошибке затесавшийся в стаю потрепанных ворон. И, подобно неосторожному голубю, сегодня он едва не стал жертвой вороньего гнева.

Вечер перевалил уже за вторую половину. С каждым новым кувшином ватиканского пойла, которое за их столом выдавали за вино, взгляды, что сотрапезники бросали на

молодого человека, становились все менее одобрительными. Юний пропустил момент, когда неодобрение сменилось враждебностью. Поэтому услышав: «Чего ты зубы скалишь, баран?», Юний не сразу сообразил, что расположившийся напротив Плацидий, который до сих пор проронил едва ли пару слов, обращается к нему.

– Умник нашелся. На себя посмотри! Сидит тут, будто актеришка общипанный, а тоже, скалится. Кудри завил. Девка! Приехал в Город, позвали в приличный дом, так и веди себя прилично. Что ты зубами торгуешь? Сейчас вот прорежу, – с этими словами Плацидий зашевелился, словно и правда собирался встать из-за стола, чтобы немедленно поквитаться с молодым человеком.

– Имей уважение. Что ж ты хозяина позоришь? – его сосед, крупный, краснолицый мужчина с обвисшим носом, навалился Плацидию на плечи, удерживая от необдуманных действий.

Буян дернулся, но не тут-то было. Миротворец держал цепко.

– Другого места не нашел? Хочешь ребра ему посчитать, так дождись пока начнем расходиться. А я помогу еще. Вдвоем и веселей. Я держу, ты считаешь. Потом меняемся. А может еще кто желающий найдется, – весело увещевал он, ничуть не стесняясь присутствия Юния.

И все же, Плацидий, поддержанный одобрительным ворчанием стаи, не желал уняться. Он ворочался, пытаясь осво-

бодиться и брызгая слюной визгливо выкрикивал оскорбления.

Пожалуй, дело и правда могло бы дойти до рукоприкладства, если бы не заступничество одного из хозяйских рабов, столь же спасительное, сколь и унижительное. Невидимый до сих пор среди деревьев он вдруг шагнул к столу, склонился над Плацидием и прошептал ему что-то на ухо. Пары слов раба, чьи волосы были ухоженнее, и чья туника выглядела добротнее чем одежда, любого из тех, с кем Юний делил стол, было довольно, чтобы затушить пожар, так яростно бушевавший еще минуту назад.

Молодой человек, пунцовый от стыдливого гнева, сидел, не решаясь оторвать взгляд от стола, когда тот же самый раб, неслышно скользнул к нему и наглым, самодовольным тоном прошептал:

– Если господину угодно, время позднее... На улицах по ночам, говорят беспокойно.

Но самым, худшим, самым унижительным было то, что случилось потом. Когда Юний был уже на пороге к нему подскочил кто-то из домашних, из тех, кого не пустят прислуживать за хозяйским столом, и пробормотав нечто невнятное сунул в руки молодому человеку узелок. Уже выйдя на улицу Юний, заглянул внутрь. Несколько улиток, кусок пирога с потрохами, половина курицы и пара яблок. Еда, которой потчевали настоящих гостей. Дешевая подачка, которой расплатились за нанесенное ему оскорбление.

Юний мог бы швырнуть этот узелок хозяину дома в лицо, если бы ему позволили приблизиться к столу, за которым тот пировал. Он мог бы отхлестать этим узелком слугу, который передал ему сверток. Но что толку? В лучшем случае лукавый раб сожрет содержимое, радуясь неожиданной удаче. А в худшем, в худшем его вышвырнут из дома, чтобы потом потешить гостей веселой историей о то, как молодой провинциал подрался с домашними рабами.

Все чаще Юний жалел о том, что в тот раз пошел на поводу у гордости и гнева. Конечно, он поступил правильно. Оскорбивший его негодяй получил по заслугам. Урон, который понесла его честь, требовал возмещения. Но все же... Если бы тогда он проявил больше сдержанности и смирения, может быть он бы добился большего. Может быть он добился бы хоть чего-нибудь.

Будь проклят день, когда он решился довериться таким лживым и подлыми существами как гладиаторы. Как он мог быть столь беспечен, чтобы полагаться на того, кто по природе своей лишен и чести, и совести! На что он рассчитывал, надеясь, что такой человек способен сдержать обещание?

Меньше всего ему сейчас хотелось ворошить прошлое. Еще сегодня утром Корвин был твердо уверен, что похоронил эту глупую, позорную и опасную историю навсегда. А теперь она вернулась к нему. Как пресловутое кольцо Поликрата, от которого не избавиться, как ни старайся.

Ничего, в этот раз он будет умнее. Не будет доверяться чужим планам. Хочешь сделать что-то хорошо – сделай этой сам.

– Это нелепо. Что он себе вообразил? – Публий Сульпиций Корвин раздраженно швырнул табличку в секретаря. Тот неловко, обеими руками, поймал письмо.

– Написать вежливый отказ?

– Дурак. – Корвин скривил губы, сделал глубокий вдох, на миг скорбно прикрыл глаза и распорядился. – Напиши, что я буду рад принять его завтра в то время, которое он посчитает удобным. И пускай письмо отнесут теперь же.

Если секретарь и был удивлен полученным распоряжением, то у него хватило ума никак этого не показывать. Он,

молча поклонился и вышел из спальни. Корвин с тоской посмотрел ему вслед. Почему-то ему никогда не везло с прислугой.

Глава 4

Префект и ланиста

Пугливый солнечный луч не удержался на ветке, потерялся в прозрачном утреннем воздухе, скользнул еще ниже и испуганно отпрянул, ожегшись о хищно изогнутое лезвие бритвы. Лезвие на миг запнулось, растерянно зависло, словно позабыв о своем предназначении. Но тут же опомнилось и сердито сверкнув, разбросало во все стороны осколки неосторожного луча. Почти с нежностью легло на ожидающую его шею и медленно проехало вверх по туго натянутой коже.

– Прости мою прямооту, господин, но твой друг не показался мне человеком глубокого ума, – произнес Иосиф.

Прямой и неподвижный будто каменное изваяние патрон сидел посреди сада в плетеном кресле без спинки. Орудую попеременно ножницами и маленькой бритвой Марципор, приводил бороду хозяина в порядок. Худое, изможденное лицо слуги, со щеками, прорезанными двумя глубокими вертикальными морщинами, сморщилось, кончик языка то и дело мелькал между губами, а тонкие брови слились в одну линию у переносицы. Если Марципора в чем и можно было упрекнуть, так уж точно не отсутствию старательности.

– Лоллий склонен к поспешным выводам, – выдавил сквозь зубы Петроний, чье лицо, казалось, не менее напряженным чем у цирюльника.

В юности Марципор два или три года служил в пастухах. Именно это предопределило решение Иосифа, когда ему потребовалось найти для патрона цирюльника. В конце концов, тот кто в молодости остриг десятки овец в состоянии побрить одного всадника.

Конечно, иудею пришлось приложить немало усилий, чтобы защитить свой выбор. Но что ему оставалось делать? Ограниченный бюджет никак не позволял обзавестись профессиональным парикмахером. Пользоваться же услугами небрежных городских брадобреев, что стригли и брили клиентов прямо посреди улицы, нимало не смущаясь царящей вокруг толчеей, Петроний категорически не соглашался.

– Я заметил, господин, что ты оберегаешь своего друга от знания, которое может принести ему многие печали.

– Ни к чему загружать голову Лоллия лишними заботами. Его решимость довести дело до конца может и пошатнуться, когда он поймет, кого мы ищем, – проговорил всадник, когда Марципор на миг отвлекся, чтобы ополоснуть бритву.

– Найти виновного среди сотни невинных все равно что искать камень на пляже, среди мириады других камней, – с сомнением проговорил Иосиф.

Петроний не успел ответить, поскольку в этот момент, Марципор сообщил, что закончил. Он аккуратно промокнул

лицо хозяина теплым полотенцем, потом вытащил из-за пояса небольшое бронзовое зеркало и поднес его к глазам патрона. Придирчиво изучив результаты Петроний с некоторой неохотой, кивнул. Марципор поклонился, выплеснул воду под ближайший куст, сложил в тазик принадлежности для бритья, свободной рукой подхватил складной столик и направился к дому.

– С таким энтузиазмом ты мог бы вдохновлять войска. На славную смерть в безнадежной битве во имя отчизны. – Теперь, когда с опасными процедурами было, покончено к Петронию вернулось обычное его язвительное благодушие. – Но мне, кажется, ты преувеличиваешь. Во-первых, в доме Лоллия не наберется и трех десятков слуг. А во-вторых, невозможно представить, что Аякс устроил это представление, чтобы произвести впечатление на повара или садовника.

– Гладиатору вовсе не стоило его устраивать, – Иосиф намурился. – Ведь говорят: кто нарушает установившийся порядок, подобен глупцу, что будит спящую змею. Добился он только того, что ему пришлось бежать из дома, живя в котором мог получить все что ему нужно.

– Значит ему ни к чему было оставаться в доме, – Петроний пожал плечами. – Чем Аякс мог пригрозить убийце, пока тело лежало в земле? Когда никто не знал ни об убийстве, ни об убийстве? Завтра же о находке будет говорить весь Город, а послезавтра Аякс потребует от убийцы плату за свое молчание.

Что ж. Это казалось логичным предположением, из которого следовал вполне очевидный вывод.

– Если мотивом гладиатора был шантаж и, если убийство произошло в тот день, когда твой друг принимал гостей... – начал Иосиф.

– Готов поставить свою бороду против твоей, что все так и есть, – перебил его всадник.

– Предпочту воздержаться от участия в этом споре. Мужчина без бороды подобен саду без деревьев. – Иосиф не дал сбить себя с толку. – В этом случае у нас остаются Корвин, Юний и Лоллий-старший.

Петроний вздохнул.

– Хотелось бы мне исключить последнего из нашего списка. Боюсь его виновность может разбить моему другу сердце.

– Убийце повезло, что ему подвернулось такое подходящее место, чтобы спрятать труп, – с сомнением проговорил управляющий.

– Я слышу в твоём голосе неуверенность и склонность к поспешным выводам, – с этими словами Петроний встал и направился к дому. Иосиф подхватил кресло и последовал за патроном. – Лоллий сказал мне, что показывал гостям дом и сад. Наверняка похвастался Вакхом, которого собирается установить. Так что и Корвин и этот молодой провинциал знали, что в саду есть подходящая яма.

У входа в дом Петроний на миг остановился и придержал дверь, пропуская вперед обремененного ношей вольноотпу-

щенника. Немногочисленные слуги разбрелись уже по своим делам и атрий был пуст. Иосиф оставил кресло у входа, подошел к столику, стоящему возле бассейна, и аккуратно снял прикрывавшую его салфетку. Под ней обнаружили вареные яйца, мягкий сыр, маслины и хлеб, над которым взлетело облако прозрачного пара.

– Углубить яму, сбросить туда тело, засыпать его землей, а потом еще смыть грязь. Убийца каждую минуту рисковал, что его могут заметить, – произнес иудей.

– И это может означать только одно. Он не мог допустить, чтобы убитого опознали.

Петроний разломил хлеб и принялся за еду. Сегодня им доставили обычный хлеб из пшеничной муки. Кроме него Габинна выпекал пресные лепешки, хрустящий каппадокийский хлеб и соленый александрийский. А еще делал пироги и пицценские булочки. И пек воздушные парфянские булки, такие легкие, что они не тонули в воде. И, слава Господу, его пекарня располагалась в глубине квартала и была слишком маленькой, чтобы устроить в ней магазин. Иосиф сдал ему одну из принадлежащих дому лавок на четверть дешевле обычной цены в обмен на скидку за ежедневные поставки.

– В таком случае, нам нужно искать Аякса, – сказал Иосиф, присоединяясь к патрону. – Узнаем кем был убитый, проложим путь к убийце.

– Искать человека, который прячется в миллионном городе? – Петроний громко фыркнул. – Это не Иерусалим, где

ты знал все закоулки, и даже не Александрия. Раньше Аякс умрет от старости, чем мы его отыщем. Мы не станем тратить время на бесполезные метания по Городу. У префекта для этого больше людей и возможностей. Надеюсь, Лоллий сумеет убедить Тавра в том, что разгуливающий на свободе разбойник опасен для спокойствия мирных горожан.

– А если нет?

– На этот случай у меня есть знакомый ланиста. Четыре года назад я оказал ему небольшую услугу и теперь собираюсь попросить об ответной любезности.

– Я мало знаю Рим, но я слышал, что проще отыскать снег в пустыне, чем совесть у ланисты.

– Из любого правила бывают исключения.

– Хотел бы на него посмотреть.

– Не в этот раз. Ты отправишься к Лоллию и займешься его домочадцами. Попробуешь узнать о связях Аякса вне дома, о том, к кому из гостей он выказывал особенный интерес. Гладиатор прожил там месяц. Какой-нибудь след должен был остаться.

Иосиф не разделял воодушевление всадника. В отличие от Петрония, вольноотпущенник был вполне доволен счастливой монотонностью жизни, в которую он погрузился со времени прибытия в Рим. К тому же Иосифу пока так и не удалось найти арендатора для второй лавки. Ему поступило уже несколько предложений, но управляющий не склонен был спешить. Ведь лучше потерять с честным человеком,

чем найти с мошенником.

– Верно ли я понял, господин: твои слова о старой дружбе означают, что нам не приходится ожидать вознаграждения за свои труды? – поинтересовался управляющий.

– Боюсь, регулярные обеды – лучшее на что мы можем рассчитывать, – легкомысленно отозвался Петроний.

– Я так и думал, – Иосиф кивнул. – Хотел бы обратить твое внимание, что после того, как мы вернули долги твоему брату, состояние наших финансов начинает внушать опасения. А ведь нам понадобятся деньги, чтобы привести дом в порядок.

– Кстати, по поводу дома. – Петроний заметно оживился и это не стало для Иосифа сюрпризом. – Я боюсь, в ближайшее время мы оба будем слишком заняты, чтобы заниматься вопросами благоустройства. Ремонт придется отложить.

Кто бы сомневался. Вот она – истинная причина, по которой патрон столь охотно взялся за дело сулившее множество хлопот и полное отсутствие прибыли. Иосиф вздохнул.

– Как угодно, господин. Я отложу встречу с подрядчиком.

За четыре года, проведенные на Востоке Петроний, успел уже отвыкнуть от многолюдства, бестолковости и суеты римских улиц. Среди восточных городов, в которых ему довелось побывать, ни Антиохия, ни даже Александрия не могли потягаться численностью населения с Римом. Но, выстроенная по единому плану, с пересекающимися под прямыми углами широкими улицами и просторными площадями, столица Египта, во всяком случае, в цивилизованной ее части, конечно, была устроена несравнимо разумнее, нежели Рим.

Долгое время наслаждавшийся заслуженным миром, Вечный Город в последние годы превратился в одну огромную стройку. Казалось, некая строительная лихорадка поразила все городские сословия. Ей положил начало сам божественный Цезарь²⁸, который объявил, что, приняв Город кирпичным, хочет оставить его мраморным. Первыми жертвами этой болезни стали друзья Императора²⁹ – Меценат и Агриппа. От них, распространяясь сверху вниз, лихорадка захватила сенаторов, всадников, богатых вольноотпущенников и даже алчных откупщиков.

Тот, кто ворочал миллионами, возводил термы и порти-

---

²⁸ Имеется в виду конечно Гай Юлий Цезарь Октавиан, известный больше под именем Август.

²⁹ В данном случае Император – часть личного имени.

ки, разбивал сады и строил театры. Но и владелец жалкой лавчонки на Авентине³⁰, харчевни на Субуре или мастерской на Таберноле, стремясь отличиться в глазах Цезаря и сограждан, жертвовал деньги на часовню, посвященную ларам родного квартала, фонтан либо скромную статуэтку на перекрестке. Великолепные храмы, роскошные общественные здания и новые частные дома как будто сами собой вырастали на месте пустырей, ветхих инсул и мусорных свалок. Вся эта огромная стройка требовала множества рабочих рук и поглощала невообразимые количества камня, дерева, черепицы, мрамора, известняка и прочих строительных материалов, которые везли в Рим со всей Италии.

Несмотря на ранние часы улицы уже были заполнены людьми. От Тибуртинских ворот, к центру города, где завершалась отделка нового Форума Августа, тянулись последние грузовые повозки, и двигался поток строительных рабочих. Тут и там у открытых таверн разжигались жаровни, разносчики загружали лотки дешевым съестным, а мелкие торговцы Субуры занимали стратегические посты у открытых дверей своих лавок.

В самом начале пути, выходя с улицы Пекарей на Субуранский взвоз Петроний чуть было не погиб, попав под внезапно выскочившую из-за угла груженую бревнами телегу. Отскочив в последний момент, он увидел, как одноглазый, неровно выбритый возница вместо того, чтобы придержать

---

³⁰ Один из холмов Рима.

поводья, напротив, хлестнул лошадей, предоставляя пешеходам самим спасаться от гибели. После этого случая Петроний стал осторожнее и всякий раз, подходя к перекрестку, сбавлял шаг, оглядываясь по сторонам.

Пройдя Субуру, всадник свернул направо. Оставил позади многочисленные соблазны Священной улицы и, пройдя узким неудобным проходом между Капитолием и Квириналом, вышел на Широкую улицу. За храмом Нептуна свернул налево и оказался у небольшого холма, плоская вершина которого дала приют амфитеатру Статилия Тавра.

Будучи первым и единственным в Риме постоянным сооружением подобного рода, амфитеатр за четверть века своего существования оброс многочисленными сопутствующими фирмами и конторами. Одним из самых крупным и самых процветающих среди них было печально знаменитое предприятие ланисты Лентула Батиата³¹. И именно оно была конечной точкой маршрута Петрония.

---

³¹ Внук Лентула Батиата из школы которого в 74 или 73 году д.н.э сбежала группа гладиаторов во главе со Спартаксом.

Выходя из дома, Лоллий Лонгин проклинал все на свете. Будь на то его воля, он бы предпочел провести это утро в тени своего сада в компании с кувшином ледяного фалерна. К сожалению, Петроний, Эбур и Статилий Тавр не оставили ему выбора. Наскоро перекусив, Лоллий с горестным выражением лица замотался в тогу и, в сопровождении двух кападокийцев, уже в третьем часу дня³² вышел на улицу, размышляя о том, сколь многим ему приходится жертвовать во имя торжества справедливости.

Единственным, хоть и сомнительным утешением мог служить тот факт, что префект жил неподалеку. С давних пор Статилий Тавр владел роскошным поместьем на Садовом холме. Некогда принадлежавшая великому Помпею, эта великолепная усадьба досталась Тавру по священному праву победителя. Однако, заняв высшую городскую должность, префект выстроил для себя еще одну резиденцию. Она располагалась в том месте, где суетливая Субура вливалась в респектабельный Аргиалет.

Благодаря удобству сообщения со всеми частями города и близости к главным очагам потенциальных волнений, это место идеально подходило для того, чтобы держать руку на пульсе городской жизни. Так что, прошло немного време-

---

³² Приблизительно после восьми утра.

ни и официальная резиденция, над воротами которой висели окровавленные плети, превратилась для Тавра в место постоянного проживания.

Лоллий успел сделать всего несколько шагов, как калитка, ведущая во двор соседского дома, приоткрылась, и ему навстречу выскользнул крепкий, коренастый подросток лет четырнадцати.

– Господин! Не найдется ли у тебя немного времени?

– А... Здравствуй... Как поживаешь... юный Варий? – Лоллий остановился.

– Гай, меня зовут Гай, господин. Как и отца, – младший Варий поклонился.

За два года, что Варию жили в бывшей усадьбе дядюшки, Лоллий не часто сталкивался с младшим отпрыском этого семейства. Варий-младший произвел на него впечатление робкого, замкнутого ребенка, не смеющего и шага ступить без позволения крикливого, властного родителя.

– Мы, римляне, не слишком изобретательны по части имен, – глубокомысленно заметил Лоллий. – Создает некоторую путаницу, но зато, клянусь дочками Мнемозины, удобно для таких рассеянных людей как я. Однако, Гай Варий, если ты хочешь поговорить со мной, это лучше будет сделать в другой раз. Сейчас я немного спешу.

– Это из-за трупа, который откопали в твоём саду? – заинтересовался мальчик.

– Ты уже слышал? Поразительно как быстро расходят-

ся новости в этом городе, населенном миллионом сплетников, – Лоллий сокрушенно вздохнул.

– Должно быть, ты уже нашел преступника?

– Не буду хвастать. – Прямо скажем, хвастать, собственно, было и нечем. – Гладиатору удалось сбежать, но можешь не сомневаться, мы с Петронием его отыщем.

– Так, убийца гладиатор?

– Да. Охранник из моей усадьбы. Мы подозреваем, что они с подельником задумали ограбить мой дом, но что-то не поделили. Пусть эта история послужит тебе уроком. Когда обзаведешься собственным домом, покупай рабов у проверенного торговца, а не нанимай незнакомых людей с улицы....

Громкий крик из-за забора соседской усадьбы, оборвал поучительную сентенцию на середине. При первых же звуках юный Гай Варий Сирпик, пробормотал невнятные извинения и попытался укрыться за калиткой. К сожалению, он опоздал. Навстречу мальчику, с воинственным видом выскочил крупный краснолицый мужчина в дорогой тоге.

– Прости отец, это я оставил калитку открытой. Не думал, что может случиться беда, пока я буду разговаривать с соседом, – поспешно сказал Варий-младший.

– С соседом. Вот как. – За два года Лоллий уяснил, что Гай Варий Сирпик-старший обыкновенно не стесняется в выражениях. – Прости Луций Лоллий, я расстроен неподобающим поведением своего сына и потому забыл о правилах

вежливости, – Варий поклонился. Даже африканский зверь гиппопотам, сделал бы это изящнее.

– Твой сын не совершил ничего неподобающего, – примирительно сказал Луций Лоллий.

– Ты слишком добр. Я считаю, что мальчик не должен доносить взрослого человека глупой болтовней, – сурово отрезал Варий и, обратившись к сыну, строго добавил. – Ступай в дом Гай, мы с тобой поговорим позже.

Юный Варий вскинул подбородок, будто собираясь возразить отцу, но встретившись с ним взглядом, вмиг передумал, склонил голову и, ни говоря, ни слова, скрылся в усадьбе.

– Уверяю, я нисколько не сержусь на твоего сына, – вновь попытался вступить за мальчика Лоллий.

Однако Варий в ответ лишь сдержано кивнул и важно проговорил:

– Пустое, суровость отца идет на пользу детям.

Подобно всему предприятию Батиата большая часть его конторы была недоступна посторонним взглядам. Снаружи холма находились лишь три-четыре комнаты, в которых ланиста, а чаще всего его помощники, принимали случайных посетителей. Основные же помещения, с разветвленными мрачными коридорами, небольшой временной казармой, комнатами счетоводов, врачей и тренеров прятались глубоко внутри, как нора старого лиса прячется в глубине холма.

Личный кабинет ланисты располагался в самом конце длинного темного коридора. Он был обставлен скупой и с хорошим вкусом, чего, казалось бы, трудно было ожидать, учитывая род занятий владельца и фальшивую помпезность парадных помещений. Внешность Батиата также опровергала стереотипы относительно того, как должен выглядеть человек этой малопочтенной профессии. Он не был ни устрашающе зверообразен, ни мерзостно слащав. Не мог похвастаться ни жиром, затопившим мышцы, ни ожесточившими лицо шрамами. Коротко говоря, по его внешнему виду случайный человек вряд ли мог бы догадаться о его роде занятий. Скорее его можно было принять за секретаря из небогатого дома или мелкого землевладельца, приехавшего в Рим, чтобы разрешить какие-нибудь скучные юридические споры.

Преуспевающий ланиста был мужчиной чуть ниже сред-

него роста, крепким и стройным, несмотря на свои пятьдесят лет, со скошенным подбородком и мелкими, не запоминающимися чертами лица. В одежде ланиста предпочитал темные цвета, а его взгляд походил на холодный и безразличный взгляд крупной хищной рыбы.

– Учитывая все эти обстоятельства для меня было бы желательно отыскать Аякса как можно скорее. Я был бы очень благодарен, если бы ты согласился написать рекомендательные письма, и указал людей, у которых я мог бы навести справки, – сказал Петроний, закончив описывать обстоятельства дела.

Децим Лентул Батиат, ланиста в третьем поколении, обладал всеми пороками, присущими своему сословию. Он был, расчетлив, скуп и абсолютно, почти божественно бессердечен. Злые языки обвиняли Батиата в похищениях людей, незаконном обращении в гладиаторы провинциалов, многочисленных мошенничествах при выполнении государственных и частных заказов, а также связях с римскими бандитами и иллирийскими пиратами.

Без сомнения, совокупность этих полезных свойств была главной причиной того, что, получив семейное дело после смерти отца, Батиат преуспел в своей постыдной профессии. К наследственной школе в Капуе он прибавил еще несколько гладиаторских школ в других городах Италии и для удобства ведения дел обзавелся отдельной конторой в Риме.

Но даже самые заклятые враги Батиата никогда не обви-

няли его в неблагодарности. К любого рода долгам, вне зависимости от того, шла ли речь об обязательствах морально-го, либо финансового свойства, ланиста относился со скрупулезностью царя Нумы.

В течение всего рассказа он не произнес ни слова. Казалось, на неких невидимых весах ланиста взвешивает соотношение услуги, оказанной некогда Петронием с размером платы, которую тот только что потребовал. Наконец Батиат с сожалением вздохнул, сделав очевидно вывод о том, что его моральный долг все еще слишком велик, а помощь в поиске никому не нужного бывшего гладиатора способна погасить лишь малую его часть.

– Мы сделаем лучше, если ты, мой господин, не будешь возражать, – сказал он. – В наших кругах к посторонним людям относятся подозрительно. Человеку, пришедшему с улицы, какими бы рекомендациями он не располагал, трудно завоевать доверие. С другой стороны, я пользуюсь некоторым влиянием среди коллег. Не в обиду тебе будет сказано, мои люди справятся быстрее. Я выберу самых толковых и поручу соблюдать осторожность, чтобы не спугнуть дичь раньше времени.

– Ты окажешь мне неоценимую помощь, – коротко поблагодарил Петроний. На самом деле на меньшее он и не рассчитывал.

– Кстати, первого нужного тебе человека ты уже нашел, – отогнув большой палец правой руки, ланиста указал на се-

бя. – В начале мая ко мне обращался некий Аякс, похожий на человека, которого ты ищешь. Просил место тренера в одной из моих школ.

– Он был один? – уточнил Петроний.

– Да, – подтвердил ланиста. – И насколько я могу судить, отчаянно нуждался в этой работе. Но, слишком много спеси для провинциала, не имеющего серьезных рекомендаций. Я ему отказал. Не исключаю, что после этого он посетил и другие конторы. Мои люди разузнают все, что возможно.

– На лучшее я не мог бы и надеяться, – Петроний встал. – Я живу сейчас на Оппии, улица Пекарей. Нужно спросить дом с бычьей головой, который прежде принадлежал вдове Юстине.

В гордом, восьмиколонном атрии приёма у городского префекта дожидалось около дюжины клиентов и просителей. Статилий Тавр³³ уже успел совершить свой утренний выход, выслушав льстивые приветствия и пообещав, что уделит время каждому. По этой ли причине, либо из страха перед суровой репутацией престарелого магистрата, в атрии царили тишина и порядок.

Никто не пробовал проскользнуть в кабинет раньше других, никто не пытался привлечь внимание к своей особе стенаниями и жалобами, как это бывало принято в иных домах. Собравшиеся негромко переговаривались друг с другом, чинно и спокойно поджидая пока подойдет их очередь.

На Лоллия Лонгина необходимость томиться в общей толпе, конечно, не распространялась. Он еще только входил в дом, а посыльный уже докладывал префекту о новом посетителе. К тому времени как, сопровождаемый завистливыми взглядами, Лоллий, пересек атрий, из-за прикрывавшей дверь в кабинет шторы выскользнул остролицый, похожий на ласку, секретарь и сообщил, что префект готов его при-

---

³³ На самом деле должность городского префекта сделалась постоянной позже уже во времена Тиберия. Тит Статилий Тавр действительно несколько раз исполнял обязанности префекта Рима начиная с 16 года д.н.э. Однако, исторический Тавр умер вскоре после 10 года д.н.э. Ну и конечно, постоянный дом префекта в устье Субуры, был построен десятилетия спустя.

нять.

Это был подвижный, низкорослый, немного неряшливый и на первый взгляд смешной старик, с огромным носом, выдающимся далеко вперед на манер воронова клюва. В сравнении с этим носом все остальные черты его лица казались ничтожными, незначительными и не заслуживающими упоминания.

Неблагодарную должность префекта, Тавр занял после блестящего Марка Валерия Мессалы, чье пребывание на этом посту было таким коротким и бесславным. Вот уже тринадцать лет, суровый старик успешно справлялся с обязанностями по обузданию бунтующих рабов и беспокойных граждан. Чуждый состраданию магистрат железной рукой навел порядок в Риме. Он усмирил буйные коллегии и истребил разбойничьи шайки, расплодившиеся в Городе и окрестностях за десятилетия гражданских войн. Он ввел в рамки благопристойности коррупцию при распределении бесплатного хлеба и положил конец незаконным отводом воды из общественных водохранилищ. Даже ночной Эсквилин³⁴ под его управлением стал почти безопасным местом. А кровавые побоища Авентинских шаек, собиравшие десятки участников и сотни зрителей, и превратившиеся в своеобразный аналог гладиаторских боев, отошли в область страшных городских преданий.

Скупым жестом пригласив Лоллия сесть на стоящий на-

---

³⁴ Холм в Риме.

против стола табурет и вежливо поинтересовавшись здоровьем дядюшки, который проходил под его началом службу в Далмации, префект немедленно перешел к делу.

– Дурно. Весьма дурно, молодой человек. – Тавр укоризненно покачал головой, выслушав сбивчивый рассказ Лоллия. Руки префекта при этом как будто жили отдельной жизнью, перекладывая лежащие на столе таблички и свитки в известном только ему порядке. Выцветшие от старости глаза, не мигая смотрели в лицо посетителя. – Дом – это семья, а хозяин дома – отец. Отец волен налагать наказание, но он, же должен и отвечать за проступки домочадцев. Ты ввел в семью чужого, не потрудившись поинтересоваться, какого человека принимаешь под свой кров. Теперь ты приходишь ко мне и просишь защиты и помощи. Благодарю Добрую богиню, благодарю ларов-хранителей, что тебе не пришлось самому поплатиться за легкомыслие, – тут голос префекта вдруг утратил торжественную суровость, словно ему внезапно наскучила его роль. – Это только, подумать, нанял гладиатора с улицы, без ланисты, без рекомендаций. Чем ты думал? Куда дядя смотрел?

– Дядя попрекал.

Отважившись поднять взгляд, Лоллий обнаружил, что по завершении нотации префект смотрит на него уже не как Зевс на укравшего божественный огонь Прометея, а скорее, как строгий отец на непутевого, но не вполне безнадежного сына.

– Правильно попрекал, – Тавр энергично кивнул. – А ты бы и послушал пожилого человека. Не все старики из ума выжили, некоторые и нажили.

Видя, что тучи над его головой по большей части рассеялись, Лоллий позволил себе слегка расслабиться. Он даже осмелился на легкий вздох и виноватую улыбку, которые были призваны окончательно смягчить суровое сердце префекта. Подействовала ли эта пантомима, либо, что, конечно, вернее, магистрат с самого начала не слишком сердился, но Статилий Тавр и правда подобрел.

– Где искать твоего гладиатора, конечно, не знаешь? – спросил он со злорадным удовлетворением.

Лоллий лишь робко пожал плечами. Тавр вздохнул и ворчливо осведомился:

– А мне, откуда знать? Думаешь, у городского префекта мало забот? Видел сколько людей? У каждого дело. Да по важней твоего. У одного пять рабов сбежали, да двое пастухов между ними. Куда пойдут? Чем займутся? А если ночным ремеслом? Пять человек! Готовая шайка. Другому лавку дважды жгли, хвала Юноне оба раза успели потушить. Пожар в Риме! Да хранят нас боги от беды! Весь Город может превратиться в головешки, из-за того, что два лавочника не смогли поделить квартал. Вот мои заботы. А что один разбойник другого зарезал и сбежал, так туда им и дорога.

Лоллий в принципе готов был согласиться со справедливостью этих доводов. После слов Тавра собственное дело и,

правда стало казаться ему мелким и уж точно не заслуживающим внимания высшего городского магистрата. В сущности, если бы не твердое обещание, данное вчера вечером Петронию, на этих словах визит бы и завершился. Однако, мысль о том, что, втавив приятеля в историю, не товарищески идти на попятную, заставила Лоллия собраться с духом.

– Ты прав, славный Тавр. Однако, обращаясь к тебе за помощью, я руководствовался мыслью о том, что Аякс может быть опасен и для других добрых горожан. Не факт, что он покинул Рим. Его постигла неудача с моей усадьбой, но кто может поручиться, что, отсидевшись, некоторое время, он вновь не возьмется за старое и уже с большим успехом.

– Хитрый, – неодобрительно констатировал префект после короткого молчания и тут же поправился. – Хотя нет. Петроний надоумил? Верно?

Обиженный Лоллий энергично замотал головой, но префект не слушал его объяснений. Перед Лоллием сидел уже не суровый магистрат Республики, времен Катона-старшего, и не ворчливый, но добрый дядюшка. Теперь это был бюрократ нового Рима, прямой, официальный и столь же склонный к проявлению человеческих чувств, как стоящий в углу его кабинета мраморный бюст Гая Юлия Цезаря Октавиана.

– Передай Петронию, что я хочу его видеть. Твоим гладиатором я займусь. Непозволительно оставлять убийцу безнаказанным, даже если убитый и сам разбойник. Твои объяс-

нения я принял и нашел удовлетворительными. Я выношу тебе устное порицание и настоятельно рекомендую впредь быть более внимательным при подборе персонала.

Глава 5

Прачка и повеса

Петроний поднялся на Квиринал через Санковы ворота, и оказался в квартале застроенном небольшими, но уютными усадьбами. Ни одна из них не могла, конечно, похвастаться огромными садами, бескрайними огородами или прудами для разведения рыбы. Ни у одной не хватило бы дерзости равняться с поместьем Тита Статилия Тавра или громадным парком Саллюстия Криспа³⁵, на устройство которого он потратил деньги, награбленные за время своего наместничества в Африке.

И все же, обитая посреди Рима, здешние домовладельцы могли наслаждаться простыми радостями сельской жизни. Ведь любая из здешних усадеб имела фруктовый сад на дюжину или полторы деревьев, цветочные клумбы и огород в несколько грядок, поставлявший свежую зелень к столу своих владельцев. Учитывая заоблачные цены на римскую недвижимость, даже самый скромный из здешних домов был, несомненно, показателем если не баснословного богатства, то, по крайней мере, надежной состоятельности ее

---

³⁵ Римский историк

владельца.

Расположенный посередине квартала дом Публия Сульпиция Корвина изо всех сил пытался соперничать с лучшими из римских поместий. К сожалению, у Корвина не нашлось своего Эбура, который мог бы вести хозяйство, твердой рукой сводя на нет последствия сумасбродных и опрометчивых решений хозяина. Поэтому ухищрения, к которым прибегал его дом, чтобы выглядеть роскошной виллой, выглядели столь же фальшиво, как фальшиво смотрятся слои сирийской косметики на лице старухи, которая вопреки возрасту и природе изо всех сил пытается играть роль юной кокетки.

Облик Корвин был под стать облику его жилища. Как дому хотелось производить впечатление дворца, так и его хозяину угодно было казаться не знающим счета деньгам юным и беззаботным повесой. К сожалению, возраст, достаток, и даже склад характера Корвина мало способствовало тому, чтобы поддержать эти амбиции.

Хозяин дома встретил гостя в дверях. Подхватил его под локоть и проводил в атрий. Украшавшие его стены фрески выцвели и облупились, мозаика тут и там бесстыдно щербилась выпавшими камнями, а застоявшаяся вода в имплювии уже подернулась неряшливой пленкой.

Первым делом Корвин скорбно пожаловался на неподходящий повод для возобновления знакомства. Затем с энтузиазмом выразил надежду на возможность новой встречи при

более благоприятных обстоятельствах. И наконец, с сожалением посетовал на невозможность чем-либо помочь своему гостю, поскольку, вопреки обычаям нынешнего развращенного века, не привык водить дружбу с гладиаторами.

– Подлое сословие, худшие из худших отбросов, которые не дорожат ни жизнью, ни честью, – Корвин брезгливо поджал тонкие губы. Большие оттопыренные уши, вечно поджатый брюзгливый рот и маленький, слегка вздернутый нос делали его похожим на ворчливую летучую мышь. – Лоллию не следовало нанимать рудиария, не имея рекомендаций надежного ланисты.

– Наш друг всегда был немного легкомысленным. – Петроний не стал спорить.

– Зато ему повезло с управляющим, – не скрывая зависти заметил Корвин.

– Полагаю в этом ему мог бы позавидовать сам Цезарь, – согласился всадник. Странно, что Эбур не воспротивился появлению в доме сомнительного человека.

– Я удивлен не меньше, чем ты. Как видно никто в этом мире не совершенен, – Корвин развел руками.

После этого, полагая очевидно, неприятную часть разговора оконченной, он тут же предложил гостю остаться на обед и рассказать о своих приключениях на Востоке, где не чета Риму, люди умеют ценить жизнь.

– Рим уже не тот. Давно не тот, каким ты его еще помнишь, – Корвин скорбно покачал головой. – Ты скоро в этом

убедишься. Теперь в почете центурионы. Город стал приютом для всякого сброда. Всем заправляют провинциалы, не имеющие ни образования, ни приличных манер, ни благородных предков. Попомни мои слова: придет время и нами будет править солдафон-испанец. Хвала Доброй Богине, я не доживу до этого дня. Откуда, скажи мне, откуда возьмутся хорошие манеры у человека, который вырос в каком-нибудь Геркулануме? От разбогатевших торговцев шерстью, что завели моду выезжать туда на лето?

Корвин на миг умолк и Петроний поспешил воспользоваться паузой.

– Наверное не все провинциалы так безнадежны. Даже ты, с твоим тонким вкусом и безупречными манерами не гнушаешься заводить среди них друзей.

Круглые глаза Корвина широко распахнулись, а кончики оттопыренных ушей слегка покраснели.

– Что...

– Я имею в виду молодого Юния. Юния Рустика. Ты приводил его к Лоллию в прошлом месяце. Полагаю, этот юноша являет собой счастливое исключение?

Корвин скривил губы в презрительной гримасе и выпятил свой маленький острый подбородок.

– Юний это худший образец наглых выскочек, о которых я тебе говорил, – процедил он сквозь зубы. – Пытается пролезть в приличное общество. Приехал, чтобы покорить Рим, и ходит в тоге, которая ему досталась от деда. Живет в ка-

кой-то конуре в Таберноле³⁶. Лоллий наверняка рассказал тебе о шутке, которую мы задумали. Я хотел проучить зарвавшегося провинциала. Сомневаюсь, что в их Медиолане³⁷ приняты подобные зрелища. Вышло бы поучительно, если бы не Квинт Лоллий.

– Так он из Медиолана? – уточнил всадник.

– Из Медиолана, или еще откуда-нибудь, – Корвин раздраженно отмахнулся. – Я плохо разбираюсь в сортах провинциальных выскочек.

– Должно быть он ловкий малый, раз сумел свести знакомство с таким человеком как ты. Как ему это удалось?

– Как? – от этого невинного вопроса Корвин вдруг растерялся. – Я уже не помню. Мне кажется, он чей-то дальний родственник. Несомненно, так. Знаешь, как это бывает. Они приезжают в Рим, приходят в твой дом и говорят, что твой двоюродный дед, был посаженным отцом на свадьбе племянницы его бабушки. Проходит несколько дней, и ты уже гость за своим собственным столом.

Произнося эту тираду, хозяин дома никак не мог придумать, чем ему занять руки. Пока пальцы левой нервно барабанили по подлокотнику кресла, правой он то потирал кончик носа, то проводил по лбу, то гладил подбородок. Было, видно, в обстоятельствах знакомства, нечто такое в чем Публий Сульпиций, человек, в общем-то, вполне бесстыдный,

---

³⁶ Район Рима.

³⁷ Современный Милан.

ни за что не хотел признаться. Однако, Петроний предпочел сделать вид, что ничего этого не заметил.

– Полагаю, на следующий день, ты покинул дом Лоллия не слишком рано?

– Ты не прав, – хозяин с облегчением покачал головой. – Я ушел, как только проснулся. Боюсь, даже не попрощался с хозяином. Не хотелось наткнуться на его дядюшку.

– Понимаю тебя, – согласился всадник. – Почтенный Квинт Лоллий прекрасный человек, но выносить его в больших количествах иногда бывает не так просто. А что Юний? Надеюсь, Лоллий-старший в некотором роде заменил ему мимов?

– Юнию? Нет, не думаю. Они обсуждали разведение галльских свиней, или еще что-то в этом роде. По крайней мере, я точно помню, что Рустик оставался за столом, когда я уходил.

– В таком случае, возможно, он видел или слышал что-нибудь полезное для меня, – с этими словами всадник поднялся с кресла. – Ты упомянул, что он живет где-то на Таберноле. Наверняка ты знаешь, как его отыскать. Я и наш общий друг Лоллий, будем благодарны, если ты поможешь нам с этим маленьким делом.

Все было бы гораздо хуже, если бы не помощь Эбура. Управляющий Лоллия не только выделил коллеге одну из комнат во внутренней части дома в качестве временного кабинета, но и лично отобрал из числа домочадцев тех, разговор с кем мог принести пользу. В результате Иосифу не пришлось бродить по усадьбе в поисках нужных ему людей и к полудню вольноотпущенник успел опросить не меньше двух десятков слуг.

Результаты этого титанического труда, впрочем, были весьма скромными. Никто не видел и не слышал ничего подозрительного ни в предполагаемую ночь убийства, ни накануне, ни на следующий день. Никто не встречал убитого прежде, и никто не высказал достойных внимания предположений о том, как он смог проникнуть в сад.

Что касается Аякса, то за время, проведенное в усадьбе, он то ли не успел, то ли не пожелал обзавестись близкими друзьями. Служившая при кухне миловидная толстушка Ниоба обозвала гладиатора грубияном, а секретарь Лоллия, франтоватый раб по имени Парис уверено заявил, что всегда подозревал в нем разбойника.

Единственным результатом этих бессмысленных и утомительных трудов, стала головная боль, долбившая в висок вольноотпущенника назойливым дятлом. Куда там подвигу

Юдифи, расправившейся с сонным ассирийским военачальником. Лидия, служившая в доме прачкой, своей болтовней могла бы загнать в могилу целое ассирийское войско. Любой вопрос, даже из числа тех, которые образованные греки называют риторическими, немедленно включал фонтан ее неиссякаемого красноречия.

– А девушке куда деваться, я спрашиваю? Куда девушке деваться? Гладиатор он сегодня гуляет, а завтра его железным крюком тащат. Вот тебе и твои гладиаторы. Герои! В таверне они герои! Я так считаю, что, если дружка хочешь, так ищи честного парня. Хоть пекаря, хоть пастуха. А что? Пастух чем плохо? У пастуха и молоко, и сыр, и мяса им достается не то, что нам. Кто там проверит, волки барана задрали, или пастухи в котле сварили. А что сами не съели, так продали. И себя прибыль и подружке бусы какие, или колечко там.

Раскрасневшееся круглое личико Лидии кому-то могло бы даже показаться милостивым, но про себя Иосиф злорадно подумал, что, ни пастуха, ни водовоза, ни даже самого завалящего гладиатора у нее в дружках наверняка не водится. Воспользовавшись тем, что прачка на миг умолкла, чтобы перевести дыхание Иосиф строго сказал:

– Женщина, я спрашиваю тебя не о пастухах, а о гладиаторе Аяксе, что служил в вашем доме.

– Я и говорю про гладиатора. Я же про гладиатора говорю. – Лидию не просто было сбить с толку. – У наших соседей рабыня тоже с гладиатором путалась. Вот ее и продали.

Куда продали, не знаю, а врать не хочу. Но вроде говорят на Сицилию. А может в Африку. Хозяйка их очень сердилась. Говорят, специально продала, чтоб от Рима подальше. Она-то девушка симпатичная. Она и в Сицилии не пропадет, и в Африке не потеряется. А только все равно страшно. Скажи? Я б из Рима никуда не хотела. А в Африку!

– Подожди, подожди. С каким гладиатором? С Аяксом?

Лидия отмахнулась:

– Нет. При чем тут Аякс? Это до Аякса еще было. А ничего, говорили, что мужчина видный, только немолодой. А с немолодым лучше. Скажи? Мужчина, который в годах, как ты, он женщину больше ценит. И уважение, и подарки дарит. У молодых в голове ветер, а у пожилого в кошельке серебро.

– Про Аякса тебе что известно? У него подружка была?

Этот вопрос Иосиф сегодня задавал, по меньшей мере, в двадцатый раз, и уже не надеялся получить на него никакого осмысленного ответа. Некоторые, не слишком добрые языки говорили о том, что болтливая прачка сама пыталась окрутить гладиатора, как только тот появился в усадьбе. Но Иосиф был уверен, что ничего путного у нее не вышло.

– Кому он нужен, гладиатор нищий, – пренебрежительно хмыкнула Лидия, словно прочитав мысли собеседника. – Пришел, в драном плаще, а туда же, гонору о себе, будто царь парфянский. Чего люди неблагодарные бывают, скажи, господин мой?

– Людям свойственно забывать благодеяния и поносить

оказавшего их. Таково уж свойство человеческой души, которая охотнее склоняется к злему, нежели к доброму.

– Точно. Вот сказал, господин, и видно образованного человека. – Прачка благоговейно покачала головой. И тут же испортила произведенное ею благоприятное впечатление. – Хоть по мне так, толку от этого образования никакого. Я так считаю, умеешь читать, не умеешь, а все равно. А какая разница? Толку, что я буду грамотная. Мне все равно это учение в голову не шло. А что? А я и шерсть, и полотно, и холст постирать могу. Лучше меня в доме никто не стирает. А я любое пятно знаю, как вывести. Хоть от вина, а хоть и от крови. Мне моя работа нравится. Я как считаю, это ж интересно. А как же?

– Неужели Аяксу не посчастливилось добиться благоклонности какой-нибудь не слишком разборчивой девицы? Наверняка в большом доме таких имеется в достатке.

Прачка энергично кивнула.

– У нас тут всяких хватает. Это ты, точно сказал, мой господин. Некоторые может и такому рады. Бывают девушки, которые в мужчинах неразборчивые.

– Так в чем же дело? Неужели для Аякса не нашлось ни одной? Или он был евнухом? – Терпеливо спросил Иосиф.

– Скажешь, евнухом. На Субуру он бегал. – Лидия передернула плечами.

Отвергнутая рудиарием, прачка, которая обладала отнюдь не беззлобным нравом, не захотела смириться со своей

неудачей и решила отомстить несостоявшемуся любовнику. С этой целью она стала следить за Аяксом, надеясь, что сумеет таким образом узнать о нем нечто, что в будущем поможет расплате. И, поскольку терпения ей было не занимать, она сумела разузнать то, чего не знал больше никто из домохозяев.

Во-первых, Аякс, оказывается, не только умел читать и писать, но и вел с кем-то довольно активную переписку. Сама Лидия несколько раз видела, как мальчишки приносили ему письма, а после убегали с ответными посланиями.

Во-вторых, у него имелась подружка, которая, как предполагала служанка и была его адресатом. Прачка застукала гладиатора с ней несколько дней назад и даже ухитрилась подслушать обрывок разговора.

По словам Лидии, она случайно заметила парочку, когда возвращалась из храма Юноны. Любовники, в этом она была твердо уверена, расположились у самого входа на мясной рынок Ливии. Совершив хитроумный маневр, достойный Ганнибала, Лидия сумела подобраться к ним почти вплотную, прячась среди покупателей. К сожалению, маневр отнял слишком много времени. Когда прачка оказалась, наконец, на достаточно близком расстоянии, Аякс и неизвестная ей дама уже прощались.

– Он говорит, там он, негде больше, а она отвечает, брось ты это дело, все равно толку не будет. А он ничего, плечами пожал, мол, не о чем тут горевать. Припугну, говорит, а там

посмотрим. А сам спрашивает, тебя проводить или как. А та говорит, что не надо. Обойдусь. Мне говорит, тут два шага пройти, потому не утруждайся, а то хозяйева сильно переживать будут. А он засмеялся. А она ничего не сказала и пошла. Плащ главное на голову накинула и пошла на Субуру. Все шлюхи на Субуре живут. И она оттуда.

– Что ж ты не узнала ее адрес точнее? – Иосиф нахмурился.

– А оно мне надо? – презрительно фыркнула в ответ Лидия. – Другой будто заботы нету. Что там узнавать? Дом на углу Патрицианской улицы с Малой Субурой. Она во двор пошла. Там и живет. Где еще ей жить?

– О нет. Боги не могут быть так жестоки. Клянусь волосами Эвменид³⁸, я ничем не заслужил этой участи. За что? Скажи мне Эбур, за что?

Эбур, который принес хозяину печальное известие, откликнулся на горестное восклицание хозяина сочувственным вздохом.

– Боги иногда бывают, несправедливы, мой господин.

– Вот именно. Именно несправедливы, – Лоллий швырнул табличку на стол. – Но почему ко мне?

– Еще герои бессмертного Еврипида задавали себе этот вопрос.

– И что?

– Чаще всего они не получали ответа. В этом обычно и заключалась суть его весьма поучительных трагедий.

– Ты знаешь, чем меня можно утешить. – Лоллий подобрал табличку со стола и перечитал еще раз, как будто надеясь, что ее содержание после этого изменится. – Приезжает сегодня. Ты можешь себе это представить?

Эбур без сомнения мог представить себе многое, но предпочел промолчать, понимая, что любой его ответ повлечет за собой лишь новые стенания. Вместо этого он с вежливой

---

³⁸ Милостивые. Так, боясь ненароком оскорбить называли Эриний, богинь мести.

невозмутимостью поинтересовался:

– Прикажешь позаботиться об обеде?

– Да. Уж будь добр, распорядись.

Пребывая во власти печальных мыслей, Лоллий даже не заметил, как управляющий вышел. Вновь швырнув табличку, он дважды пересек комнату из конца в конец, потом с тяжелым вздохом опустил в кресло с ножками, украшенными орнаментом в виде виноградной лозы. Визиты Квинта Лоллия Лонгина, любимого, (пропорционально расстоянию), дядюшки и в обычное время редко наполняли дом весельем и беззаботной радостью. Что уж говорить о нынешних печальных обстоятельствах? Можно только представить себе, сколько упреков обрушится на голову племянника позволяющего хоронить в своем саду трупы посторонних разбойников. Сколько полезных советов о ведении домашнего хозяйства ему предстоит выслушать и сколько язвительных насмешек предстоит проглотить. Нет, он ничем не заслужил такое наказание. В конце концов, он и так достаточно уже пострадал из-за своей ошибки.

Глава 6

Настоящий римский дворецкий

То ли потому, что пропитанный роскошью особняк Лоллия Лонгина нисколько не располагал к работе, то ли от того, что сама эта работа казалась Иосифу пустой тратой времени, но к исходу десятого часа дня³⁹ он чувствовал себя опустошенным. Так, словно вернулся во времена своей бурной молодости, когда ему случалось весь день играть с храмовой стражей в прятки на извилистых улицах Иерусалима.

Хуже всех, даже, пожалуй, хуже Лидии, хоть это и трудно было себе представить, оказался некий Бриарей. Выживший из ума старик исполнял необременительные и бессмысленные обязанности привратника на воротах, соединяющих двор с садом. Теоретически можно было представить, что, занимая такой стратегически важный пост, Бриарей мог видеть или слышать что-нибудь полезное. Практически, даже если бы мимо него промаршировала целая когорта гладиаторов, старик, чей разум жил во временах Цезаря и Помпея, вряд ли вспомнил бы об этом на следующее утро.

Когда привратника удалось, наконец, выпроводить иудей

---

³⁹ Примерно между 15.00 и 16.00.

не смог сдержать вздох облегчения. Сразу вслед за этим в кабинет вошел Эбур и сообщил, что, по его мнению, в усадьбе не осталось больше никого, с кем имело бы смысл разговаривать.

Иосиф с первой встречи проникся симпатией к управляющему Лоллия. Тот факт, что Эбур догадался прихватить с собой поднос с закусками и кувшин с вином, основательно укрепил это чувство. Сам Эбур, хоть положение его в иерархии римских дворецких было несравнимо выше, чем положение иудея, не стал задирать нос и разделил с гостем его обед.

Управляющий Лоллия был галлом. Однако, попав в Рим еще ребенком, Эбур немного мог рассказать о галльских обычаях и образе жизни. Его родители погибли во время осады Алезии⁴⁰, родственники частью умерли, частью рассеялись по стране. Став в сорок лет вольноотпущенником, Эбур обнаружил, что Рим сделался его настоящей родиной.

– Однако и птицы весной возвращаются из теплых стран, и всякий зверь избегает далеко отходить от своего логова. – Иосиф недоверчиво покачал головой.

Эбур пожал плечами.

– Признаться вначале и мне казалось, что если я буду слышать вокруг себя галльскую речь, то воспоминания детства проснутся. Мой покойный хозяин вместе со свободой, оставил мне небольшое наследство. Я уехал в Нарбон, где занял-

---

⁴⁰ Город в Галлии.

ся торговлей кожами.

Однако бизнес Эбура в Провинции⁴¹ не заладился, а нравы соотечественников показались ему дикими и варварскими. Спустя несколько лет он вернулся в Рим, где после неудачных попыток продолжить собственное дело, в конце концов, поступил на службу к Лоллию Лонгину.

– Я управляю домом, в котором вырос и вполне доволен своей участью, – закончил он.

– Ты начинал службу у покойного Лоллия-старшего? – уточнил Иосиф.

– Нет, нет, – Эбур отрицательно покачал головой, – я вырос в семье Арариков, родственников Лоллиев.

– А как же... – Иосиф удивленно поднял брови.

– Это печальная история, в которой была замешана политика. Она разбила сердце старого хозяина и свела его в могилу раньше срока. Лоллии унаследовали состояние после его смерти. Но с твоего позволения я не хотел бы вспоминать подробности. Дела минувшие, и люди все уже ушли за Стикс, но мне все еще нелегко об этом говорить. Я был пестуном Арарика-младшего с самого его детства, и мне тяжело было перенести случившееся с ним несчастье.

Хотя Эбур старался сохранять свою обычную невозмутимость, Иосиф отметил, что его рука слегка дрожит.

– Видно ты был к нему привязан, – с сочувствием заметил врач.

---

⁴¹ Нынешний Прованс.

– Арарики были хорошими господами. Я ни разу не видел от них несправедливости, – подтвердил Эбур и после некоторой паузы уточнил. – Признаться, мне вообще везло с теми, кому приходилось служить.

– Особенно с последним, – насмешливо произнес Иосиф. Однако собеседник не поддержал его тон.

– Бесспорно, я не могу сказать, что здесь у меня всякий день Сатурналии, но молодой Лоллий хороший человек. Хороший, хоть и немного легкомысленный. Как говорится: "Ни из отроков не вырос, ни до юных не дорос"⁴².

– Мудрые слуги для того и существуют, чтобы исправлять ошибки хозяев, – заметил Иосиф.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. В том, что Аякс появился у нас в доме моя вина вряд ли меньше, чем вина хозяина, хотя слуге и не всегда просто устоять перед напором двоих господ.

– Двоих? – переспросил иудей.

– Лоллия и Корвина, – ответил Эбур и, видя недоумение на лице собеседника, пояснил. – Публий Сульпиций Корвин, который гостил в нашем доме в злополучную ночь. За несколько дней до этого мой хозяин был у него в гостях. Они вышли прогуляться и увидели представление, что Аякс устроил у старого Капитолия. Поскольку к тому времени оба успели опрокинуть не одну чашу с вином, кому-то из них показалось хорошей идеей нанять этого силача на службу.

---

⁴² Плавт.

– И кому же пришла в голову эта счастливая мысль?

– Я не присутствовал при этом, – Эбур развел руками и тут же поспешно добавил. – Но я говорю все это не к тому, чтобы оправдаться. Если бы я посчитал нужным, Аякс не появился бы в нашем доме. Однако, по моему убеждению, наемные работники ничуть не хуже рабов, а в некоторых отношениях даже полезнее. Я поговорил с Аяксом и нашел его человеком, заслуживающим доверия и весьма неглупым.

– Редкая характеристика. Прочие домочадцы высказывали противоположное мнение.

– За внешностью люди часто не видят внутренней сути. Аякс не слишком образован, выглядит сущим медведем, и его манеры не из тех, которые приняты в приличном обществе. Но у него глубокий, практичный ум, а его суждения о людях основаны на хорошем знании человеческой природы. Поэтому я счел возможным принять его на службу. Боюсь, однако, что я ошибся, и свой ум он направил не на благие цели.

– Ты хорошо успел его изучить.

– Хороший управляющий обязан знать о работниках все что возможно, иначе хозяину не будет от него никакого проку, – согласился Эбур и вежливо поинтересовался. – Позволь спросить с пользой ли ты провел время?

– Я подобен некоему золотарю, который пытается найти жемчужину в телеге навоза, не будучи при этом уверенным, что она там вообще есть. Ни приятелей, ни любовницы, ни

близкого дружка. Никого, кто мог бы мне помочь. Я возлагал надежды на привратника, Бриарея, но, должен признать, что ты был прав, когда отговаривал меня от разговора с ним. Старик живет в прошлом и видит не живых, а лишь тени тех, кто давно уже умер. – Иосиф на мгновение заколебался, однако, решил, что нет смысла что-либо скрывать от собеседника, который едва ли не больше всех заинтересован в установлении истины. – Единственную ниточку мне дала ваша прачка, Лидия. Аякс не захотел стать ее любовником, поэтому она следила за ним и однажды увидела, как он говорит с падшей женщиной с Субуры.

– Жизнь полна сюрпризов, – с сомнением проговорил галл.

– Что ты имеешь в виду?

– Не Аякса. Гладиаторы притягивают и матрон, и прачек, и куртизанок. Но Лидия... – управляющий поджал губы. – Да сохранит нас Юнона от таких женщин. Философы учат находить что-то хорошее во всяком человеке, но, если бы меня попросили сказать добрые слова о ней, я не знал бы что говорить. Она болтлива, ленива и глупа. Она попадаетеся всякий раз, когда решает что-нибудь стащить на кухне, и у нее не хватает ума не только на то, чтобы увильнуть от порки, но и на то, чтобы удержаться от воровства в следующий раз. Я не удивлен, что она решила следить за Аяксом, но поражен, что она смогла добиться успеха.

– Думаю, ей просто повезло. К тому же она немного до-

стигла. Знает лишь, что эта женщина живет на Субуре.

– Что ж, желаю тебе всяческих успехов, хотя, – Эбур с сочувствием хмыкнул. – Все куртизанки Рима живут на Субуре. По крайней мере, все глупенькие прачки в этом уверены.

Двухкомнатная квартира, которую Юний снимал на третьем этаже пятиэтажной инсулы⁴³, в самом конце Табернолы выглядела жалко. Заспанный раб, в мятой тунике, долго не отзывался на стук в дверь, а открыв, поначалу не хотел пускать Петрония на порог. Сестерция⁴⁴, впрочем, оказалось достаточно, чтобы изменить его мнение о госте в лучшую сторону.

– Нет хозяина. Он дома мало бывает. Вечером придет, утром уйдет. Да и то не во всякий вечер. Так, что, если хочешь ждать, только потеряешь время. Может, вообще не прийти, – отбарабанил слуга, суетливо подергивая плечами, после того как впустил Петрония в скудно обставленную переднюю.

Три разномастных деревянных стула, расшатанный стол и давно не чищенная жаровня в углу, составляли всю обстановку комнаты, стены и потолок которой были покрыты разводами копоти.

– Ты знаешь, где его можно отыскать?

Раб был сирийцем и был куплен Юнием уже после приезда в Рим. Поэтому его верность хозяину не выдержала испытания еще одним сестерцием, который выразительно проде-

---

⁴³ Многоквартирный дом.

⁴⁴ Римская монета.

монстрировал Петроний.

– Он навещает куртизанку, некую Эвридику. Говорил, что сегодня будет у нее. Она живет в инсуле Друза, на Патрицианской улице. Это просто отыскать. Приметный дом.

Монета скрылась за поясом, как только Петроний уронил ее на протянутую ладонь.

– К куртизанке? Неудивительно, что твоему хозяину не хватило денег, чтобы снять приличное жилье, – Петроний выразительно оглядел убогую комнату и, вновь запустив руку в кошелек, добавил, – и купить достойного слугу.

– Не знаю, господин, уж откуда хозяин берет деньги. Мне он об этом не говорил, – на этих словах раб поперхнулся, зачаровано уставившись на пальцы Петрония, между которыми появилась еще одна монета. И теперь это был уже не сестерций, а полновесный денарий. – Только я не думаю, что куртизанка дорого обходится хозяину. Я думаю, как бы не наоборот, – видя недоумение на лице Петрония сириец поспешил пояснить. – У хозяина денег немного, из дома шлют скупо. Стоит вернуться от Эвридики и в кошельке серебро. Вот и думай, откуда деньги берутся?

– А не врешь? – усомнился Петроний – Легче поверить в милосердного откупщика, чем в куртизанку, которая платит клиенту.

– Клянусь господин, – слуга прижал руки к груди. – Что хозяин ей не платит это точно. Чем он заплатит? Эвридика богаче нас живет.

– Так может быть, она платит твоему хозяину за защиту?

Судя по тому, что Петроний успел узнать о молодом провинциале, подобное предположение казалось маловероятным, но жизнь случается преподносит и не такие сюрпризы.

– Нет, что ты господин. Если ты что-нибудь такое про хозяина думаешь, так зря, – сириец даже хрюкнул от предположения о том, что его господин может быть сутенером. – У Эвридики и получше защитники найдутся. Раньше были два гладиатора, недавно купила германца. Здоровый что Геркулес. А что хозяину денег дает, так всякое бывает. Я думаю так, что клиенты у нее для денег, а девушке ведь и удовольствия хочется, – после этих слов сириец довольно осклабился, поскольку монета, наконец, перекочевала из пальцев Петрония в его ладонь.

На этот раз монета исчезла не сразу. Лишь полюбовавшись профилем Агриппы в ростральном венке и крокодилем на обороте, сириец осторожно спрятал ее за пояс. После чего он предано уставился на Петрония, своим видом выражая полную готовность раскрыть по сходной цене все тайны своего патрона. В этом взгляде было столько надежды, что Петроний не решился его разочаровывать и после минутного раздумья предъявил еще один денарий.

– Что ты знаешь об этих гладиаторах?

– Обыкновенные гладиаторы. У одного на морде шрам, а другой здоровый. Чистый медведь.

– Как зовут?

– Фрасон, господин, – сириец поспешно поклонился.

– Не тебя, придурок. Гладиаторов.

– Того который со шрамами Меланхет. А который здоровый я не знаю, – сириец покачал головой. – Я его и видел то раз два.

– Твой хозяин что-нибудь говорил о них?

– Нет. Что ты! Кто ему гладиаторы? У моего господина мало денег, но много гордости.

По тону Фрасона можно было понять, что лично он такую позицию не одобряет, но, к сожалению, хозяин к его мнению не прислушивается.

– Есть еще что сказать? – Петроний выразительно повертел монету между пальцами, что произвело самое благотворное влияние на память его собеседника.

Фрасон сообщил, что гладиаторы приехали откуда-то с севера и что при этом Меланхет неплохо знал Рим. Одевались небогато, но всегда опрятно. Эвридике служили не за деньги, а вроде бы по старой дружбе. Что среди римских гладиаторов знакомств не водили. Что главным из них двоих был Меланхет и что они покинули дом куртизанки примерно месяц назад.

Аякс понимал, что теперь, когда труп Меланхета был найден, городские власти могут начать на него охоту. Однако, это мало его беспокоило. Конечно, сейчас, в разгар переполюха, посещение Эвридики, было не слишком благоразумным поступком. Как ни старался Аякс не оставлять лишних следов, но стоит префекту объявить приличную награду за его голову и обязательно найдутся люди, которые смогут связать сбежавшего гладиатора из дома Лоллиев и охранника куртизанки с Патрицианской улицы.

Но, во-первых, Аякс не слишком верил, что префекту есть дело до его головы. Наверняка у городского магистрата найдутся заботы поважнее, чем рудиарий самовольно оставивший службу. Во-вторых, таким уж свойством характера обладала Эвридика, что внушала всем, кто был с ней близок необъяснимое никакими рациональными соображениями ощущение уюта и безопасности. И, наконец, в-третьих, именно сейчас экс-гладиатору настоятельно требовалась ее помощь.

– Видишь, я был прав. Его нашли.

Аякс по-хозяйски развалился на широкой кровати. Куртизанка, подогнув ноги, сидела напротив и выглядела рассерженной.

– Я слышана. Весь Рим слышан, – раздраженно бро-

сила она.

Аякс сделал вид, что не обратил внимания на тон, каким были сказаны эти слова.

– Значит и в остальном не ошибся, – самодовольно произнес он. – Кто из нас молодец? Слушай меня, девочка, не прогадаешь.

– Ой, перестань. Вообще все это глупая затея. Ничего из нее не выйдет.

– Послушай, ты обещала. – Аякс протянул руку к выглядывавшей из-под задравшейся туники белой лодыжке, но Эвридика, вовремя заметившая этот маневр, сердито хлопнула его ладонью и отодвинулась подальше. – Ничего не изменилось. – Аякс демонстративно подул на пострадавшую руку. – Мы получили то, что хотели и, давай будем делать то, что собирались. Эвридика, пойми, уже нет смысла отступать. Дело сулит хорошую прибыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.